

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МАРИНА АЛЕКСАНДРОВА
КОРНИ ЗЕМЛИ

ВЕРШИТЕЛЬ СУДЕБ

РАССЛЕДОВАНИЕ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

Марина Генриховна Александрова
Вершитель судеб
Серия «Корни земли», книга 8

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42817923
Вершитель судеб:

Аннотация

Мечь – блюдо, которое, как известно, лучше подавать холодным; это правило верно для любой эпохи, в том числе, и для XVIII века. Так думал и князь Волков, замысливший наказать свою бывшую возлюбленную, предательство которой едва не стоило ему жизни...

Содержание

Легенда о перстне	5
Глава 1	10
Глава 2	28
Глава 3	38
Глава 4	48
Глава 5	58
Глава 6	68
Глава 7	78
Глава 8	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Марина Александрова

Вершитель судеб

*Пропитан кровью древний амулет.
Горят во мгле таинственные знаки.
Должно быть много натворил он бед,
Недавно найденный в овраге.
И вот опять, узрев лишь только свет,
В нем пробуждается неведомая сила,
Суля пожар, крушение, запрет,
Суля вражду и братские могилы.*

В. Силантьев

Легенда о перстне

В давние времена в городе Константинополе жил человек. Слыл он великим мастером ювелирных дел. Не было ему равных в этом не только в Константинополе, но и по всей Византии. Делал мастер перстни, браслеты и ожерелья и тем зарабатывал немалые деньги.

Всего было в достатке у ювелира, не было у него только семьи. Жил он одинокой холостяцкой жизнью, а годы шли и был он уже не молод.

Но вот, однажды, встретил мастер девушку, прекрасную как сама любовь. Воспылал к ней страстью ювелир и девушка, как это не удивительно, ответила ему взаимностью. Ювелир женился на ней, препятствий к этому никаких не возникло и стал жить семейной жизнью.

Только после свадьбы понял мастер, что многое не разглядел в характере своей красавицы-жены. Оказалось, что под ангельским личиком скрывается дьявольский нрав. Но мастер все-равно продолжал любить свою жену, а потому прощал ей все злобные выходки, принимая ее такой, какая она есть.

Время шло. Ювелир делал свои украшения, предоставив молодой жене полную свободу действий. Та занималась исключительно самой собой, не прилагая ни малейших усилий к тому, чтобы сделать счастливым мужа.

Однажды жена все же подарила мастеру радостную весть, сказав, что она беременна. В положенный срок на белый свет родилась девочка. Семейная жизнь начала потихоньку входить в спокойное русло. Конечно примером добродетели жена мастера не стала, но и откровенно злобных выходок себе уже не позволяла.

На самом деле причиной этому было не рождение дочери и не изменения, произошедшие в характере жены. Ювелир и не догадывался, что его жена уезжая на несколько дней, вообще не гостит у родителей, как она обычно говорила, а принимает участие в служениях, противных Богу, о есть в черных мессах.

Годы все шли и шли, мастер по-прежнему ни о чем не догадывался. Его только удивляло, что жена никогда не берет дочь с собой погостить у родных. Однако та всегда отговаривалась тем, что отец не может простить ее за то, что она подарила ему внучку, а не внука и девочку видеть не хочет. Ювелир изумлялся стойкой неприязни свекра, но вслух ничего не говорил. Он-то любил свое единственное дитя до самозабвения.

Дочь подросла и стала писаной красавицей, не уступающей в красоте матери, лишь душа у нее была светлая, как у настоящего ангела, сошедшего с неба, для того, чтобы спасти нашу грешную землю.

Но вот, однажды жена внезапно выразила пожелание взять девушку с собой. Та с радостью согласилась. Вернулась

жена через месяц. Обливаясь слезами, поведала она мастеру о том, что их единственная дочь скончалась от болотной лихорадки по приезде к родственникам.

Ювелир был безутешен, но ни на минуту не усомнился в правдивости слов жены, только лишь изъявил желание, как можно скорее посетить могилу дочери. Жена не сопротивлялась открыто, но каждый раз находила все новые поводы для того, чтобы отложить поездку.

Наконец ювелир заподозрил неладное, и не сказав жене ни слова уехал к ее родителям один. Каково же было его недоумение, когда он обнаружил, что родители жены скончались несколько лет назад. Сначала он не поверил этому, но сам посетил кладбище и нашел их могилы. Могилы же дочери ему найти так и не удалось.

Вернувшись домой ювелир не сказал жене ни слова о том, где он был и что обнаружил. Та, испугавшаяся сначала, постепенно успокоилась и пришла к выводу, что ее супруг ездил по каким-то своим делам.

Ювелир начал следить за женой. Когда она очередной раз собралась ехать к родителям, он сказался больным и по этой причине отказался ехать с ней, проведать могилу дочери. Жена уехала, а он последовал за ней, стремясь докопаться до разгадки зловещей тайны.

Мастер прибыл как раз вовремя, чтобы увидеть, как участники черной мессы приносят в жертву сатане молодую девушку. Это была уже не дочь ювелира, но тот проник в

суть происходящего.

В следующий раз черная месса была прервана в самом разгаре появлением священников. Жenu ювелира, по его просьбе, не предали смерти, как остальных участников черной мессы, а привезли в монастырь дабы изгнать из нее демона.

Ритуал был проделан со всей тщательностью и, наконец, душа ее очистилась от скверны. Сразу же после того, как дьявол был изгнан, жена мастера скончалась.

Отпускать демона бродить по земле было бы весьма неосмотрительно, но погубить его было невозможно. Потому решили заточить демона, чтобы не мог он навредить людям. Для этого ювелир изготовил кольцо – простенький серебряный перстень с черным опалом. В него-то стараниями монахов и был загнан демон.

Когда изготовлялся перстень монах наложил на него заклятье. Он понимал, что когда-нибудь, не смотря на все ухищрения монахов, перстень может попасть в чужие руки. Поэтому бывший ювелир постарался как можно более обезопасить проклятое украшение. Естественно, сделать его совсем безобидной побрякушкой ювелир не мог, но подчинить в некоторой степени демона, таящегося в кольце, воле его владельца, было монахам под силу.

В итоге демон, заключенный в кольцо не сможет вредить своему хозяину и будет ему во всем помогать до тех пор, пока тот не совершит три поступка, которые разрушат чары

заклятья. После чего демон будет волен расправиться с владельцем перстня и ничто не станет ему в этом преградой.

На перстень наложили заклинье, по которому, демон мог освободиться в только в том случае, если его владелец совершит три проступка, которые разрушат чары. Для того, чтобы выпустить демона на свободу, владелец перстня должен был стать причиной смерти женщины, лжесвидетельствовать и лишиться ребенка куска хлеба.

Монахи не думали, что перстень еще когда-нибудь окажется в руках кого-нибудь из мирских людей. Мастер, постригшись, остался в монастыре и всегда носил перстень на левой руке, как напоминание о своей неосмотрительности и постигшем его горе. Он завещал похоронить зловещее кольцо вместе с ним, тем самым навсегда избавив людей от напасти, но судьба распорядилась иначе.

Однажды мастер отправился с неким поручением в соседний монастырь. По пути на него напали разбойники. Ювелира убили, сняли с шеи золотой крест, а с пальца дешевое серебряное кольцо с черным опалом. С тех пор проклятый камень начал странствовать по свету, принося людям горе.

Глава 1

1760 год. Ранняя весна

– Игорь! Игорь! – слышался в саду голос сестры, доносящийся из огромного, как царские палаты, дома семьи Волковых. Тщетно она пыталась в который раз дозваться брата.

– Он опять наверное где-то в глубине сада упражняется, – с тяжелым вздохом проговорила горничная Лиза и Ирина, сестра Игоря, искренне жалея брата, отошла от окна и направилась в свои покои.

Все в доме знали, как не терпелось молодому князю Волкову попасть в армию, но по слабости здоровья и плохого зрению его постоянно отсылали домой с не утешительными рекомендациями. Даже его знатный отец не мог повлиять на решения военных медиков, которые с особой тщательностью отбирали в армию солдат.

Игорь вправду сидел под огромным кленом и думал обо всем сразу. Он был высокого роста с черными волосами и красивыми темно-синими глазами. Если бы не сильно худое тело и многочисленные рубцы на его лице, остающиеся от чирьев, его можно было бы считать завидным женихом.

Он много сил потратил на всевозможные занятия и поглощение пищи для обретения нужной физической силы, но ничего не помогало. Его сверстники, служившие в полках, были уже возмужалыми бравыми парнями, о которых взды-

хали благородные дамы из знатных семейств. Игорь пока был лишен всего этого и страшно мучился по поводу своей дальнейшей жизни.

– Тебе надо еще годок переждать, – говорили все знакомые и родственники, с искренней жалостью смотря на его очередные и бесполезные попытки.

Как-то вечером, сидя с больной матерью, Игорь услышал от нее интересный рассказ, но не предал этому большого значения. А зря...

Когда ему исполнилось восемнадцать лет, он стал замечать, что зрение действительно никуда не годиться. Вчера на балу он чуть не сбил с ног самую красивую девушку двора.

Хорошо, что его сестра Ирина смогла сгладить эту неприятную ситуацию.

– Смотри под ноги, Игорь! – шептала ему Ирина после танцев, – это же княжна Алена Климова.

– Да что ты говоришь! А она очень даже ничего, – сказал Игорь, напрягая свое зрение. Она сидела у ног императрицы и веером позвала Ирину к себе. Игорю показалось, что над головой этой красивой девушки внезапно появился ореол святости и благочестия в виде легкого облачка. Он прищурился еще сильнее и облачко растаяло.

– Ну, ладно, я побежала! А ты будь внимательней, пожалуйста! – попросила она, поправляя коротко стриженные волосы брата.

– Да ладно иди, а то Кротов заждался, наверное, – подшу-

тил над сестрой Игорь. Он не мог видеть, как Алена позвала Ирину. Ирина на адресованную ей реплику брата, лишь осуждающе покачала головой и, приставив пальчик к губам, дала знак брату молчать. Он, улыбаясь, ответил ей согласием.

Тут к Игорю подошел молодой человек и, ехидно ухмыляясь, сказал:

– Тебе надо бы дома под юбкой маменькиной сидеть, а не по балам ходить. Уж больно мал ты!

Игорь внимательно смотрел на этого незнакомца и спросил:

– Вы это из зависти или ревности? Незнакомец противно рассмеялся и, давясь собственным смехом, ответил:

– Я? Из зависти? Или ревности? Ха-ха! Ты что, мальчик?! Эта девушка, от которой у тебя слюнки потекли, моя двоюродная сестра!

Потом он стал серьезен и, выхватив у проходящего официанта бокал с вином, добавил:

– И запомни, чтобы я больше не видел тебя около нее! Хлюпень! Твое здоровье! – он поднял бокал высоко над головой и ушел.

Больше Игорь никогда его не видел. За этим диалогом наблюдала Ирина. Она подошла к Игорю после и спросила, что хотел Матвей.

– Его зовут Матвей? – спросил Игорь.

– Да, и он брат Алены. Она сказала, что он очень важный

чин в армии и скоро уезжает из страны надолго. О чем вы говорили?

– О жизни, – ответил Игорь и отошел от Ирины, которая так и не поняла его. Ирина встревоженно посмотрела на брата.

Сестра Игоря была одной из прекраснейших созданий при дворе. Она была свежей и грациозной, словно распускающийся бутон лилии. На ее красивом бледном лице сверкали глубокие темно-голубые, как у брата, глаза. Черные волнистые волосы, казалось были очень тяжелы для изящной головки. Она была одета в восхитительное бледно-лиловое шелковое платье. Ее немилосердно, в соответствии с модой, затянутая в корсет талия была очень изящна и гармонировала с округлыми бедрами и развитой грудью. Она была предметом мечтаний наверное третьей части мужского состава двора.

Ирина знала о неприятностях брата относительно его стремления в армию и потому любая другая неприятность могла запросто скосить его тонкую натуру. Она по-матерински старалась всегда оберегать его от случайных неприятностей и вот теперь подумала, что Матвей мог бы послужить причиной одной из них.

Игорь часто был без причины вспыльчив, за что ему выговаривали все родственники, но только Ирина могла знать, что кроется за этими внезапными и резкими выпадами. Она старалась всегда найти компромисс в отношениях с братом

и была единственным утешителем и спасителем Игоря.

Если бы не Ирина, Игорь давно бы уже покончил счеты с жизнью. После одной такой попытки он понял, что значит он для сестры.

– А как же я?! – спрашивала Ирина у больного Игоря после того, как он чуть не насмерть отравился каким-то зельем. Он лишь с трудом отвернулся от нее и потер виски. – Ты думаешь, что этим самым решишь все свои проблемы? Тебе должно быть стыдно! Ты подумал о том, что после смерти родителей и без тебя я совсем пропаду? С трудностями надо бороться, а не избегать их. Я была немного другого мнения о тебе, брат, – закончила Ирина.

Она стояла у окна и, вытирая глаза платком, тихо говорила ему эти слова, так сильно ранящие его. Умом он понимал, что поступил недостойно, но сердце никак не хотело воспринимать эту действительность и жить так дальше для него становилось невыносимо.

– Я больше так не могу, – простонал он, – помоги мне!

Она отвернулась от окна и пристально посмотрела на брата. Чувство любви, нежности и огромной ответственности за него переполняло всю ее душу и она мысленно поклялась себе, что сделает все, что в ее силах, для того чтобы этого больше не повторилось и чтобы ее брат стал счастливым и полноценным человеком. Даже если придется пожертвовать своей жизнью, она это сделает!

– Все что хочешь Игорь! Только не оставляй меня боль-

ше! – она со слезами на глазах опустилась у постели и, целуя его руки, молила его о жизни. Так они и сидели весь день, беседуя и смеясь, вспоминая прошлое и строя дальнейшие планы.

Она знала, что имел в виду ее брат. Его душевные силы иссякли вконец и охваченная отчаянием душа не скоро обещала найти покой. Ей было нестерпимо жаль Игоря, но любовь и поддержка друзей вскоре сделали настоящее чудо. Хоть физически он и чувствовал себя еще несколько слабым, но глаза его светились радостным огоньком и постоянные расспросы о жизни, дворе и погоде свидетельствовали о том, что князь понемногу отходит от душевных потрясений. Земля стала держать его на ногах более устойчиво, а не уходила из-под них.

Вероятно эта история сделала их намного ближе друг к другу. Они теперь постоянно были рядом. Ближе и роднее людей, чем Ирина и Игорь, казалось, никто никогда не встречал. В ту пору было не модно иметь хорошие отношения между родственниками разного полу. Девушки всегда жаловались на злых братьев, а братья в свою очередь ненавидели сестер за острые языки. Но в отношениях Волковых не было ничего подобного.

За это и любил Ирину Сергей Кротов, служивший в гвардии. Он имел хорошую репутацию солдата и человека. Ирину он не просто боготворил, он считал ее самым честным и добрым человеком из всех смертных.

К Игорю же он имел простую человеческую жалость, зная об его проблемах со здоровьем. Сергей даже по просьбе Ирины пытался повлиять на докторскую военную комиссию, но все было тщетно. Игорь ненавидел, когда к нему испытывают жалость или подобные чувства, поэтому, узнав, что Кротов хлопотал об нем, он сразу же не преминул с ним разругаться.

Ирина переживала их неприязнь друг к другу, но со временем смирилась.

* * *

Она, в недавнем жительница Парижа, быстро завоевала симпатии подруг и злую зависть врагов. Она умела лучше всех одеваться и на балах отличалась самыми изысканными нарядами, которые и Елизавета считала достойными королевы.

Конечно, все знали, что императрица не любит, чтобы кто-то выглядел лучше ее и потому Ирина стала немного внимательнее следить за своим туалетом.

– Смотри, Иринка, ты своими французскими нарядами не затмевай красоту нашей императрицы! Ох, она этого не любит. Это я тебе как подруге доверяю! Ты ведь не знаешь здешних обычаев, – говорила Алена испуганной Ирине. Сама она завидовала обаятельной подруге.

Да, с тех пор Ирина стала разборчива в нарядах своих, но завистливые шепотки подруг не утихли, а просто стали

менее колкими. Но что бы она ни одевала и куда бы ни пошла, неизменным атрибутом ее наряда оставалось маленькое жемчужное ожерелье. Ожерелье это было предметом зависти многих женщин двора, потому как оно являло собой изящную цепь из маленьких черных и белых жемчужин.

Такая вещь была вне моды и вне времени. Даже императрица Елизавета заметила необычайную красоту сего украшения и отменный вкус хозяйки ожерелья, что еще более подняло Ирину в глазах ее подруг и фрейлин Елизаветы. Теперь с ней считались многие знатные матроны. Ей это не льстило, как могли подумать некоторые ее завистницы, она сначала мило и с душой объясняла и советовала что либо на предмет одежды и украшений, но потом ее стало это утомлять, да и подавляющая схожесть в туалетах многих дам стала смешить и раздражать.

Часто она жаловалась на это своему жениху Сергею Кротову, на что он простодушно смеялся, называя Ирину «императорской модисткой». Любовь Ирины и Сергея наделала много шума при дворе так как Кротов с детства был названным женихом Алены Климовой, но потом они поняли, что совершенно не подходят друг другу, и мирно разошлись. Так показалось Сергею. Алена же была совсем иного мнения.

Она всей душой любила его и после очередного бала, на котором ее бывший возлюбленный одаривал Ирину любовными взглядами, а потом провожал до дома, она устраивала истерики, свидетелем, которых была только Наташа Грохо-

това – горничная Алены.

Она как могла успокаивала свою хозяйку ласковыми словами и давала ей успокоительное, после которого Алена засыпала тревожным сном.

* * *

– Я ненавижу ее! Наташа, я клянусь, что все равно верну Сергея! Чего бы мне это ни стоило! – кричала в своей комнате Алена после последнего бала, на котором Игорь чуть не сбил ее с ног.

Наташа успела закрыть дверь вовремя, чтобы никто не слышал криков, и подбежала к постели Алены. Она гладила ее по голове и тихо успокаивала.

– Не нужны мне теперь лекарства! – сказала Алена, – теперь я знаю, что мне делать. Я буду просто молиться, прося Бога об этом.

– Вот это по-христиански, – сказала Наташа, – только не смей в проклятьях упоминать имя соперницы своей! Знай, что к тебе потом это вернется, – предупреждала Наташа свою госпожу.

– Пусть! Я все стерплю, лишь бы Сережа со мной был! – горячо ответила Алена. Наташа с тревогой посмотрела на Алену наливая ей очередную порцию лекарства.

– А как же тот французский посол, что приходил недавно до отца твоего и просил твоей руки? – осторожно спроси-

ла Наташа. В действительности этот статный посол был лучше Сергея. И красив, и богат чрезмерно, и жил на два дома: в Венсене – летней резиденции французского короля и в Москве, недалеко от Кремля.

– Он станет мне помощником в моем деле, – внезапно сказала Алена, привстав с постели. Дальше она размышляла уже про себя, прогнав Наташу из опочивальни.

«Я изведу Марселя Ориньяка надеждами и желаниями, а потом, согрев его в своей постели, попрошу помочь мне оговорить Волкову. Никуда он не денется. Ежели узнает кто, что был он у меня ночью – несдобровать не только ему, но всему французскому двору!»

Так и получилось. Марсель действительно был влюблен в Алену и потакать ее капризам было для него просто шуткой. А когда он оказался у нее в постели, ему ничего не оставалось, как согласиться помочь. Он был выходцем из богатой французской семьи много лет прослужившей во дворце, и неудивительно, что после смерти своего дальнего родственника, служившего посланником французского двора, он стал его преемником.

Он долго раздумывал над словами Алены, но его репутация честного и порядочного дворянина могла вот-вот дать трещину, а Алена требовала немедленных действий, и тогда он решился на этот шаг. Когда он узнал о том, что Алена его просто шантажирует, он был в таком отчаянии, что пытался свести счеты с жизнью.

– Я ведь по-настоящему любил тебя, – плача говорил Марсель. Алена, чувствуя некоторую обязанность пред ним, решила повременить с разрывом и сказала, что решение ее было слишком скоропалительным и она сожалеет о сказанном.

– Возможно я и буду с тобой, но... – она повернулась к нему и сладко улыбнулась, – но все будет зависеть от исхода дела, которое мы с тобой затеяли.

Она выделила слово «мы» и Марсель понял, что крепко повяз в интригах этой девушки, но обещание, данное Алене, и его слабая надежда, что она оценит его и вернется, заставили его повременить с самоубийством, и он сказал ей, что готов подтвердить ее слова перед императрицей и тем самым изгнать из столицы Ирину.

От распиравшей ее радости, что Марсель теперь стал общником, Алена не могла не поделиться своей радостью с горничной.

– Ты знаешь, Наташенька, а Волкова-то не совсем и такая кроткая, какой себя представляет! Мне о ней рассказал один знакомый француз. И надо думать, что Кротов женится совсем не зная своей распутной жены, – она задумавшись смотрела в окно.

– Да как же это так? – Наташа даже от удивления села на стул. Она в недоумении посмотрела на Алenu. Та, заметив немой вопрос в глазах Натальи, гневно посмотрела на нее и закричала:

– Вот так! И это не твое дело! – Алена со злостью затво-

рила штору и, повернувшись к своей горничной, приказала ей убраться вон. Наташа решила, что это самый лучший выход, и быстро ретировалась из покоев госпожи.

«Этот самый француз был ее любовником, а теперь стал ее сообщником и они хотят на пару оклеветать Волкову», – горестно подумала Наталья, вздыхая и охая над злой судьбой Ирины, уготовленной ей Аленой и Марселем.

«А может, и не клевета это? Их, богатых, не поймешь!» – продолжала раздумывать Наташа, сидя в своей комнатенке.

– Права Алена, не мое это дело! – сказала она сама себе и пошла выполнять указания, данные барышней.

Все следующее утро Алена поражала всех своим радостным настроением и чувством открывшейся любви ко всем. Она подлетела к Наташе, которая держала в руках поднос с молоком и печеньем и, схватив в ладошки горсть хрустящих и рассыпчатых петушков и зверюшек с любовью испеченных кухаркой, крепко расцеловала ее, а потом захрустела вкусными печеньями. Она выглянула в окно на шум подъехавшей кареты и радостно подпрыгнула.

– У меня все получится, – сказала она, когда слуга доложил о приезде Марселя.

Наташа лишь грустно покачала головой и, вздохнув, не могла не пожалеть бедную девушку. Был момент, когда Наталья хотела рассказать обо всем Ирине, но сочла лучшим не вмешиваться в дела господ, тем более она точно не могла знать всей правды об Ирине. Ей просто нравилась эта милая

и добрая девушка, а что уж она в действительности представляла из себя, Наталья точно знать не могла, и потому решила, что будет правильнее не вступать в эту дразгу совсем.

Но против воли она нередко задумывалась над тем, как бы помочь Ирине и Игорю. Ведь этот молодой и добрый князь искренне любил Алёну, только вот она его не замечала вовсе.

Потом Наташа вспомнила о знаменитом колдуне Стефане, который не только лечит недуги, но может и заговаривать на любовь. Наташа рассказала о нем Алёне на следующий день.

Алёна с радостью восприняла такую весть. Сейчас она могла поверить хоть в самого черта. Пришедшие с утра подружки наперебой рассказывали о романе Кротова и Волковой.

– Эти жалкие вороны нарочно распаляют меня! – гневно жаловалась Алёна Наталье.

– Но с тобой не так просто справиться, – серьезно заметила Наталья. Алёна возможно приняла ее слова за комплимент, крепко расцеловала Наталью и они стали готовиться к поездке.

Стефан жил отшельником на горе, прозванной Белой, и мог излечивать некоторые хвори простыми способами, как пускание крови или отваром лечебной травы, но его таинственная внешность и необычный колорит жилища рождали немыслимые слухи о его безграничных способностях.

Ирина тоже знала о нем и сама несколько раз обращалась к нему за помощью. Она только никак не могла заставить своего брата обратиться к Стефану.

– Игорь, послушай, может, он и алхимик, как ты предполагаешь, но я прошу! Чего тебе стоит просто заехать к нему. Может, он тебе чего дельного сможет сказать! – в который раз просила Ирина.

– Господи! Ну когда ты поймешь, что не стану я обращаться к этим шарлатанам! Но чтобы ты больше меня не доводила! Ладно! Я поеду сегодня к нему, уговорила.

Ирина радостно захлопала в ладошки. Она верила, что когда-нибудь ее брата обязательно вылечит колдун. Ей даже во сне это снилось.

Карета с Игорем и его лучшим другом Андреем Орловым, родственником Алексея Орлова, служившего тогда в гвардии, в которую никак не мог попасть Никита.

Андрей сидел на козлах и управлял лошадьми. Они выехали ближе к обеду и уже были на опушке леса, когда Андрей сказал:

– Игорь! Там чья-то карета застряла в грязи. Может, помочь. Тем более что там... – он привстал и внимательно вглядываясь продолжил: – там две женщины, а кучера не видно.

– Конечно, поворачивай! Надо помочь дамам, надеюсь, наше рвение будет правильно расценено и по-должному вознаграждено! – сказал Игорь.

И они погнали своих лошадей на помощь попавшим в беду женщинам.

– Господи! Алена, посмотрите к нам едет кто-то, – испуганно проговорила Наташа. Это их карета завязла в глубокой колее.

– Ну и что? Сейчас мы попросим их помочь нам, – бесстрашно сказала Алена, вглядываясь в даль.

Андрей, не доезжая до девушек, остановил лошадей и, широко раскрыв глаза, прошептал:

– Игорь! Это же княжна Алена Климова со своей горничной!

– Ну и что? Ты езжай, езжай они, наверное, нас уже увидели и ждут, когда мы окажем им помощь, – как ни в чем не бывало сказал Игорь. А у самого дыхание сперло от этого имени. Он видел эту красивую девушку на балу и она ему очень понравилась.

Они подъехали и Андрей, спрыгнув с облучка, сказал:

– Добрый день, милые дамы! Мы увидели, что вам нужна помощь и поспешили сюда скорей! – сказал Андрей.

Алена подошла ближе и тут из кареты вышел Игорь. Она сразу угадала его.

– Ах! Это вы? Наташа, нам несказанно повезло! – воскликнула она, оборачиваясь к своей горничной, – Я встре-

тила здесь брата моей подружки. Вы, кажется, Игорь?

Он смутился от столь бурного натиска молодой княжны, но потом отвесив поклон, ответил:

– Да, ваша светлость, я тот самый неуклюжий медведь, что чуть не сломал вам ножку!

Алена сначала внимательно слушала, а потом громко рас- смеялась.

– Ну что вы! Что вы говорите, князь! А кто этот молодой рыцарь? – и она обернулась к Андрею.

– Это тот человек, которого вы должны благодарить за то, что он вас увидел. С моим зрением это было бы невозможно. Его зовут Андрей Орлов.

– Ах! Да, да я знаю вашего дядю, он бывает в доме моего отца, – сказала Алена и представила в свою очередь Наташу.

– Ну что ж, надеюсь, теперь мы будем друзьями, – сказала Алена.

– Если вам будет угодно, – ответил Игорь. И они пусти- лись в рассуждения о дружбе и настоящих друзьях.

– Кто в мире не видит друзей своих, тот недостоин, чтоб мир узнал о нем, – сказала Алена.

– Я думаю, что слова Цицерона тут как раз кстати. Он ска- зал: «Много прелести бы утратило наше счастье, если бы ни- кто не радовался ему вместе с нами! Как трудно было бы пе- ренести наши несчастья без друга, который испытывает их еще сильнее нас!»

– Я с вами согласна, думаю, остальные тоже? – Алена об-

вела глазами Андрея и Наташу. Они согласно кивнули головой. На вопрос куда же молодые люди держат путь, Игорь рассказал о своем намерении.

– Если быть точным, то сия поездка мне навязана моей сестрой. Я пообещал ей в том и теперь спешу выполнить обещание, но никак не принять помощь. Я в это просто не верю.

Алена скрыла, что тоже держит путь оттуда же.

– А мы просто решили прогуляться. И теперь спешно собираемся домой, маменька, наверное, в колокола бьет о нашей пропаже, – спохватилась она, но, обернувшись к Игорю, добавила: – Я советую вам, князь, прислушаться к советам своей сестры.

И тут Игорь предложил им свою карету.

– До Стефана недалече. Мы дойдем пешком, а вы, если не составит труда, пришлите карету с кучером, – попросил Игорь. Андрей хотел его одернуть.

До жилища Стефана еще целых три версты! Андрею вовсе не улыбалось идти пешком. Они могли бы починить карету или отвезти девушек домой, а потом вернуться назад.

Андрею стало понятно рвение и он еще более расстроился, так как не считал Алену достойной девушкой для своего друга.

– Она красива, я не спорю, но жестока и бездушна! – сказал Андрей когда они шли к Стефану. Он с первого взгляда невлюбил Алену. Объяснения этому он не находил, но чувствовал, что она настоящая интриганка и обманщица. В

ее жестах, словах, смехе – везде сквозила ложь, но она была видна не всем.

– Ты обиделся, что она оставила тебя без кареты? – смеялся над ним Игорь. Андрей слегка ударил друга по плечу и они стали бесноваться, как в детстве. Но Андрей помнил, что для Игоря такие игры нежелательны и быстро прекратил шуточную борьбу.

– Я обязательно должен выздороветь! Обязательно! Я буду ходить теперь ко всем колдунам и знахарям! – с жаром говорил Игорь. Встреча с Аленой навсегда повернула вспять его бывшие рассуждения о своем выздоровлении.

– Эх, сколько шарлатанов ты обогатишь! – сказал Андрей, почесав затылок. Он тоже, как и раньше Игорь, не верил этим колдунам, знахарям и прочим прислужникам настоящей медицины, и остался верен своему убеждению до конца жизни.

Глава 2

Прошел еще один год в праздниках, огорчениях, победах и поражениях. Игорь, все также томимый любовью к Алене, никому не рассказывал о ней, кроме своего верного друга Андрея, но и тот был редким слушателем его исповедей.

Военные дела и служба отнимали много времени и сил.

– Знаешь, мы договорились встретиться с ней сегодня вечером на балу, – поведал Игорь.

– Ох не нравится мне эта Алена, – сказал Андрей выговаривая ее имя с явной пренебрежительностью.

– Это сугубо твое мнение и мне необязательно его знать, – обиделся Игорь.

– Прости, я больше ничего тебе не скажу и давай забудем об этом! Я не хочу с тобой ссориться, – сказал Андрей и, пожав руку Игорю, посмотрел в его еще обиженные глаза.

– Ну что, мир?

– Конечно мир! – ответил Игорь. Андрей первый раз не стал спрашивать Игоря – смог бы тот променять Андрея на предмет их ссоры? Потому, как не знал, что ответит друг. Раньше этим простым вопросом исчерпывались все их ссоры, приводя их к перемирию, а сейчас...

Ирина, недавно только приехав из Франции, после длительного пребывания там не могла знать множество новых лиц при дворе, и Алена, набившись к ней в подруги, тщательно и скрупулезно представляла ей всех незнакомцев, зло осуждая каждого и насмехаясь над половиной всего придворного люда.

Ирина лишь заливисто смеялась на ее издевки, прикрывая иногда рот ладошкой. Она не могла понять – нравится ей Алена или она ее просто боится? Боится ее злого языка, с которого срывались уж слишком непристойные вещи для княжны.

– Расскажи, как ты провела весь год во Франции? Чем ты занималась и был ли у тебя там молодой человек? – последний вопрос Алена задала тихим, заговорщическим шепотом.

Ирина по своей простоте душевной решила довериться этой смелой и шустрой девушке, тем более что Игорь очень просил сойтись с ней.

Скорее из-за любви к брату она сошлась с Аленой. Она видела, как радуется ему эта дружба. Ведь Алена теперь могла бывать в их доме и он имел возможность видеть ее каждый день.

Как ни странно, Игорь никак не сходился с суженным своей сестры Сергеем Кротовым. То ли разница в возрасте ска-

зывалась, то ли принадлежность одного к армии, а другого – нет делали их далекими друг от друга в смысле настоящей родственной мужской дружбы. А может, просто многолетняя дружба с Андреем Орловым не нуждалась в еще чем-либо участия.

Ирина не волновалась на сей счет. Сергей и Игорь по ее мнению были совершенно разными людьми и характер их отношений не носил ярко выраженных отрицательных линий. Но она побоялась рассказать о своей тесной дружбе своему жениху. Он бы этого не одобрил. Сергей только усмехался, глядя на тщетные попытки Игоря завоевать расположение этой «стервы» – как выражался Сергей.

Сколько раз она слышала нелестные отзывы о ней от него, но решив, что своим языком Алена заслуживает их вполне правдиво, она не стала все же говорить об этом Сергею.

– Я не хочу чтобы твоя сестра общалась с Климовой, – сказал как-то Сергей Игорю, но тот ответил ему:

– Ты просто ревнуешь ее к своему прошлому. Это неправильно и пусть моя сестра сама решает, с кем ей общаться.

Сергей ничего не мог ответить Игорю, но решил в ближайшем будущем обязательно поговорить с Ириной.

Но так их встречи носили довольно сумбурный характер, он не мог позволить себе рассуждать об Алене. Он второпях заезжал к ней, они мило беседовали около часу, потом он спешил по делам, обещая в следующий раз задержаться подольше. И так уже почти год.

Впервые Сергей и Ирина встретились в Париже, когда дядя Сергея был послан туда с секретным поручением, там в Версале был дан бал в честь дня рождения короля Людовика XVI, на котором присутствовали послы всех держав бывших в хороших сношениях с Францией.

Из-за него Ирина и покинула своего суженого, графа Армана фон Дигера, и вернулась в Россию.

Об этом знала Алена и каждый день мучилась думами, как бы это пустить против нее?

Даже во сне она представляла, как будет унижена и растоптана ее соперница.

Алена стала чаще встречаться с Игорем, надеясь, что он тоже окажет свою помощь в ее тайных замыслах против его сестры.

– Извини, Игорь, но сегодня мы не сможем увидиться, императрица срочно требует нас к себе, – быстро проговорила Алена и помчалась во дворец. Елизавета созывала их каждую неделю для совместных посиделок. На них в основном говорилось о нарядах, прическах и прочей женской индивидуальности, имевшей в то время огромное значение.

Если что-то не понравилось императрице – это тотчас отменялось при дворе. Это могла быть прическа, музыка, человек.

Во дворце сидя у ног императрицы, которая что-то оживленно обсуждала со своими фрейлинами, Алена чувствовала, что находиться совсем далеко от всего, что творилось во-

круг. Настало время для действий. Сегодня именно тот день, когда Алена наконец решилась свои мысли привести в действия.

Она вчера во сне видела себя счастливой матерью с сыном Сергея и теперь с лютой завистью смотрела на счастливое и улыбающееся лицо своей подруги Ирины Волковой, которая своими шутками доводила императрицу до истеричного смеха.

«Надо действовать! – думала Алена, – тем более, что в следующую неделю Кротов-старший собирается послать сватов в дом Волковых!»

После аудиенции у императрицы Алена попросила Ирину задержаться. Они остались втроем у императрицы. Елизавета с интересом ждала, о чем же пойдет речь у этих двух, молодых и красивых дам ее окружения?

– Ваше Величество, позвольте мне держать речь? – попросила Алена, низко опустив голову и преклоня колени.

– Да, дочь моя, конечно, но только коротко и по существу, – бросила Елизавета.

– Я всем жертвовала ради любви своей к князю Кротову и вы знаете, что не стала настаивать на свадьбе нашей с ним только по обоюдному соглашению с ним. Я уважаю его как человека достойного нашего Отечества и вас, Ваше Величество! – говорила Алена.

– Да, девочка моя, знаю о твоем согласии расторгнуть помолвку и твоем усердии в делах его личных и служебных.

Как я знаю именно от твоего отца шла грамота на вручении Сергею медали? – Елизавета закончила свою речь и посмотрела внимательно на двух девушек, одна из которых сидела у ног императрицы и была в смятении. Ирина никак не могла понять – что происходит?

– Так вот, Ваше Величество, оберегая честь и судьбу своего бывшего суженого, довожу до вашего сведения, что будущая жена его – распутница, выдворенная из Франции из-за своего поведения! – Алена бесстрастно посмотрела в глаза императрицы. А Ирина лишь с ужасом наблюдала все происходящее, – да и сама Ирина мне многое рассказывала о своей жизни в Париже, только мне по наивности казались пристойными ее речи и поступки ею описываемые.

Ирина с недоумением смотрела на Алену и только одна мысль не покидала ее виски, сдавленные под тяжестью этого обвинения: «Как она могла? Мои родители, брат? Брат, брат!»

Слова ее никак не хотели покидать своего убежища. Их не было припасено для такого жуткого и страшного приговора.

– Ш-ш-што?! – это был не крик, это было злое и отвратительное шептание, которое Ирина не забудет до конца дней своих.

– Да, Ваше Высочество! Это правда и у меня есть свидетель сего бесчинства, творимого Ириной Волковой в Париже, – ее слова с каждой буквой становились все уверенней и наглее, – это помощник французского посла Бретеля, смо-

жет доказать мои слова! – сказала Алена и с ненавистью посмотрела на Ирину.

– Я всегда знала, что Франция неблагоотворно действует на наших людей, а в особенности девушек! Но чтобы среди моего окружения оказалась одна из отверженных французским двором, распутница! – лицо императрицы стало похоже на лицо раскрасневшейся кухарки у печи. Это сравнение даже на миг рассмешило Ирину и она улыбнулась одними губами.

Императрица заметив этот смешок совсем одурела от гнева.

– Девка?! И в моем дворе! Да еще смеет показывать мне свои зубки в смешке?! Нет, увольте! Такого я не позволю! Ох и потешаются наверное они за моей спиной! – Елизавета была в гневе и ходила по залу из угла в угол. К ней было сунулся граф Кикин с бумагами, но Алена выразительным жестом попросила его оставить Ее Величество в покое.

– А кто младший посол? Почему мне было раньше не доложено? – гневно спросила императрица.

– Это Марсель Ориньяк, Ваше Величество! Он не ожидал застать сию особу при дворе, а когда увидел, смел первом делом предупредить меня, так подругою я считалась у Волковой. А уж после я к вам, – она упала на колени и протянув руки до ее платья, страстно заговорила:

– Знаем, знаем, – протянула императрица, – о-очень воспитанный и честный молодой человек, – она немного поостыла и по всей вероятности придумывала достойное нака-

зание для Ирины. В словах Алены сомневаться она не могла, тем более, что замешан здесь и французский посол.

Алена воспряла и духом и уже более уверенней произнесла:

– Я только ради приличной репутации графа Кротова смею печалиться. К самому Сергею давно у меня нет никаких сердечных помыслов. Тем более, что просватана я уже! И я прошу вас, Ваше Величество не карайте гневом своим Ирину! Ведь полюбила я ее, как сестру! Смягчите гнев на милость! – слезы катились по щекам Алены и она, уливаясь ими, ползала на коленях перед Елизаветой.

«Чтоб тебе всю жизнь на коленях ползать и прощения вымаливать вплоть до внуков своих!» – подумала Ирина и потеряла сознание. Елизавета приказала Алене вызвать для нее монастырского лекаря, а не дворцового, как раньше.

Алена осталась одна над бессознательным телом своей бывшей подруги. Императрица обещала в скорейшем времени позаботиться об удалении из Петербурга сей девицы. Радости Алены не было предела.

«А Кротова заполучить мне теперь ничто не мешает!» – подумала она. Вошел лекарь, Алена искренне поцеловала Ирину бесчувственную до сей поры и, попрощавшись вышла.

Первым делом она решила посетить дом Волковых, дабы предупредить о будущей расправе императрицы с их семьей.

– Как?! Ирина?! – кричал Игорь. От такого известия бу-

рые пятна на лице его стали совсем коричневыми. Алена, утирая слезы сидела рядом с Матвеем Степановичем Волковым.

– Я просила государыню смягчить гнев на милость и не слишком наказывать Ирину, – и Алена расплакалась, вполне правдиво и убедительно.

– Я убью того подлеца, что посмел над моей сестрой так поступить! – горячо произнес Игорь, – а ее надо запрятать в монастырь! Надолго!

– Ты пока не спеши, Игорь, пусть все уляжется и императрица немного забудет об этом. Уж после можно будет думать, как помочь Ирине. Я слышала, что в монастырь ее хотят отправить. И лекарь из Спасо-Андрониевского монастыря как раз прибыл ко двору. С ним наверное и отправят Ирину.

– О какой помощи ты говоришь? – закричал Игорь, – кто теперь позволит нам с нею увидится? – Он схватился за голову. Противоречивые чувства обуревали сейчас душу Игоря.

Какой позор и это перед тем, как Игорь хотел предложить Алене руку и сердце. Теперь конечно с этим придется подождать.

– Я не верю в это, – сказал он тихо, – я не был в восторге от того, что она живет в Париже, но зная ее благородство и честность был уверен в порядочности. Теперь и не знаю что делать?

– Не вини себя или случай, – горько сказал отец, – я бало-

вал ее и отпустил в чужие земли. Что о ней говорят неправда, но перечить мы не можем.

Алене удалось немного успокоить Игоря и она попросила его выйти и просвежиться немного, что он незамедлительно исполнил. Отец Ирины постарел за эти два часа лет на двадцать.

– Спасибо, дочка, что не отказалась зайти к нам с сим печальными вестями. Но ты теперь не ходи к нам. В опале мы будем царской и небезопасно это для тебя, – грустно сказал Матвей Степанович и поднялся с кресла, чтобы пойти и рассказать обо всем жене своей Светлане.

Игорь и Алена остались одни. Он сидел на тафте и подперев голову руками, о чем-то думал. Она пустила в ход все свое льстивое обаяние и несуществующую любовь, чтобы как-то успокоить его.

И именно сегодня ему удалось в первый раз поцеловать ее. И это странное и грустное стечение обстоятельств сильно подействовали на обоих, что поцелуй их оказался страстным и продолжительным. Для Игоря это было открытие, для Алены – сравнение. Не в пользу бывших любовников.

Она решила во что бы то ни стало сойтись с Игорем и оказывать мнимую помощь без ведома императрицы и Ирины, дабы не вызывать подозрений в сотворенном ею зле.

Глава 3

Ирина очнулась в незнакомой и пропахшей сыростью комнате. Сквозь решетчатое окно она заметила последние отблески дня и вспомнила все, что с ней произошло. На улице также беззаботно хозяйничало лето и никому на свете не было дела до Ирины. Она вдруг впервые в жизни ощутила дикую боль и отчаяние.

«Вот так наверное и Игорю было плохо», – вдруг сквозь слезы подумала она. Даже и в горе она никак не могла стереть из памяти до боли родной облик брата. Ей было стыдно не за то, что она осуждена за несовершенный грех, а за то, что никто этому не поверит и это позорное пятно ляжет на всю ее семью на многие-многие лета.

«Так и заканчивается моя жизнь!» – подумала она с грустью. Ночью пришел инок и сказал, что с ней хотят поговорить родственники.

– Я никого не хочу видеть! – отрезала она. За окном садилось солнце, а Ирина становилась с каждым часом сильнее и мудрее. Все происходящее было до такой степени страшным и невероятным, но реальным, что она решила принять эту действительность таковой, какая она есть на самом деле.

«Никто мне не поверит ни сейчас ни потом, зачем же искать поддержки у людей которые любят тебя, но не могут тебе помочь. Это только расстроит и унизит их больше, а меня

еще сильнее».

Она решила покориться своей судьбе. Она согласна была принять это с одной только надеждой, что когда-нибудь ей придется увидеть в таком же состоянии ее злейшего врага – Алену Климову.

«Я буду каждый день проклинать имя твое в своих молитвах и когда-нибудь молитва достигнет своего апогея и заставит тебя страдать также!»

И поздно ночью Ирину Волкову перевезли в Спасо-Андрониевский монастырь и еще через полмесяца она приняла постриг под именем Елены и стала монахиней. Самой красивой и самой кроткой.

* * *

– Господи! Ну скажи ему, что не смогу я с ним сегодня увидеться! – уговаривала Наташу Алена. Игорь уже около месяца караулил Алену и никак не мог ее встретить, – Наташа, ты же знаешь у нас сегодня в гостях Кротовы.

Папенька будет обсуждать с Василием Васильевичем дела при которых мы с Сергеем должны присутствовать. Речь идет о нашем наследстве, так и передай Игорю!

В действительности же было это правдой. Один кожевенный завод по сути принадлежал двум хозяевам – Климову Анисиму и Кротову Василию. Каждый год они собирались для обсуждения текущих дел на заводе и в мастерских.

Документ говорил, что после смерти настоящих владельцев предприятия должны перейти их детям.

Они давно уже судились, кому достанется завод, а кому деньги. Раньше все было заранее оговорено: дети поженятся и завод будет принадлежать семье.

Теперь же происходило по-иному. Кротов-младший не хотел жениться на Алене. Она в свою очередь молчала. Но призадумалась, как бы выгоднее отсудить имущество отца и ничего кроме брака с Сереем на ум не приходило. Может не приходило и потому, что не хотело приходить. Алена не теряла надежды женить на себе этого парня.

«Пусть немного успокоится и забудет Ирину, а потом начнем потихоньку действовать», – думала Алена, кидая томные взгляды на своего соседа.

Вечерело. Сегодня в резиденции Зимнего дворца собрание в честь приезда младшего французского посланника – Марселя Ориньяка. Алена вспомнила об их последней ночи и трепет желания пробежал у нее по телу. Она во что бы то ни стала хотела опять завлечь его сегодня в свою спальню. Она мечтательно думала о нем, когда в дверь постучала Наташа.

– Ну что еще? Только не говори, что пришел опять этот бледый мертвяк! – сказала Алена.

– Господь с вами, Алена! Это верно он, но болезнь его вы постоянно подогреваете своим безразличием и холодностью, – она осуждающе посмотрела на Алenu.

– Ладно, ладно! Я приму его сегодня. Наташа, ты случаем не знаешь какого-нибудь знахаря? – спросила Алена, – только чтоб далече был, – она наморщила нос.

– Вот, вот я и хотела вам сказать, в Новодевичьем монастыре, что в Москве есть один колдун сильный. Может вы скажете Игорю, вас-то он послушает, – Наташа с недавних пор стала звать хозяйку свою на «вы» по ее приказу. Не понятно было горничной, из-за чего такая перемена сделалась с Аленой, но и вникать не хотела. Боялась она гнева Алены, который часто и без повода пугал всех домашних.

– Ага, – думала вслух Алена, – значит в слободе, в Татарской. Это через Крымский брод, значит?

– Ага, – наивно ответила Наташа. Алена немного призадумалась над предложением горничной. Она расчесывала волосы и оставив на столе щетку повернулась к Наталье.

– Ладно, ступай! Я сама оденусь и пригласи через четверть часа Игоря сюда, – она отвернулась от Натальи и стала одеваться. Горничная испарилась.

Наталье нравился этот молодой и влюбленный парень. Уж что так поразило Наталью, но вскоре она поняла, что влюбилась, но ничем не старалась выдать этого и поклялась сама себе, что забудет о нем.

Алена встретила Игоря с притворной бледностью и пожаловалась на плохое самочувствие. Она любила, когда ее жалели и старалась убедить всех, что единственная помощь которая ей нужна – это одиночество и самобичевание.

– Игорь, милый, ты тоже стал совсем не похожим на себя. Что с тобой?

– Тоска меня заела от того, что не вижу тебя, – ответил он, пряча глаза. Она лишь смущенно поджала губки и обойдя его, сказала:

– Я скоро собираюсь посетить одного известного лекаря, что в Новодевичьем монастыре живет. Хочу подлечить нервы и тебе советую к нему же обратиться. Слушай, – она более оживилась и присев рядом у его ног, продолжила, – ты съезди у нему сначала, распознай обо всем, дорогу верную узнай, а потом и меня к нему свозишь, а? – она преданно заглянула ему в глаза.

– Конечно. Только скажи когда мне ехать и я тотчас прикажу заложить карету, – он гладил ее по волосам. Алена перехватила его руку и стала целовать.

«Может в последний раз я это делаю», – думала она. – Завтра на рассвете, я сама провожу себя, а сейчас пойдём ко мне и я докажу, что совсем я вовсе не бездушна и люблю тебя тоже.

Она увела его в свою спальню и оставила его там надолго. Он впервые вкушал запретный плод и это доставляло ему небесное наслаждение, тем более, что женщина разделившая с ним постель – его любовь. Его даже нисколько не смутило такое поведение со стороны Алены. Он слепо верил ее обещаниям и клятвам, которые она к его неведению, раздавала направо и налево, так же, как и свое тело.

Вернулся он домой поздно вечером. Немного побродив по городу после бурных часов любви с Аленой, он все время думал об этом и не мог нарадоваться на свое счастье. Все казалось ему милым, волшебным и чистым. Во всех предметах, встречающихся на его пути, он видел лик своей возлюбленной.

Нева была похожа на спокойную мать, вскормившую детей своих и почившая сейчас в мире с собой и своими берегами.

Так чувствовал себя и Игорь. После своей поездки в Татарскую слободу он решил поговорить с Аленой о свадьбе и уже ближе к своему дню рождения послать сватов в дом Климовых.

Окрыленный своими надеждами, он влетел в дом и, поднявшись в свою спальню, увалился прямо в одежде спать. Сон даже не посмел войти в сознание Игоря, так крепко он уснул.

Утро. Теплый солнечный лучик скользнул по подушке и остановился на щеке Игоря, назойливо будя. Он поежился, почувствовав неудобное положение. Проснувшись наконец он увидел, что лежит совершенно одетый и накрытый лишь тяжелым шерстяным одеялом.

Потом он вспомнил все события минувшего дня и вскочил.

- Федор! Федор! – закричал в окно Игорь своему конюху.
- Чаво изволит светлейший князь? – спросил Федор, кру-

тя в пальцах трубку.

– Запрягай карету, мы спешно едем в Москву, в Татарскую слободу! – приказал Игорь и пошел предупредить родителя о своем скорейшем отъезде. Мать его Светлана давно отошла от дел домашних. После опальной ссылки дочери из Петербурга она сделалась слабой здоровьем и совершенно не могла принимать участия в жизни семьи.

Все легло на плечи Матвея Степановича, но сын его не бросал и постоянно помогал ему во всех делах. Недавно совсем пришла весточка от Ирины, которую мать никому не показала, боясь гнева Матвея и Игоря.

В ней Ирина просила мать предупредить брата о коварной Алене и ее жестоком и злом сердце, но Светлана видела, как сын увлечен этой хорошенькой девушкой и знала, что он никогда не послушает ее, тем более, что Ирина не привела доводов для такого отношения к Алене. Семье Волковых она нравилась и ничем еще не заслужила пренебрежения к своей персоне.

Игорь забежал к матери попрощаться и сам не понял, почему это раньше он никогда не заходил к матери и никогда не ставил ее в известность относительно своих дел, а сегодня коротко, но рассказал куда и зачем едет.

– Сынок, – тихим голосом обратилась Светлана к Игорю, – ты мои слова-то помни. Насчет кольца заветного. Перстень-то тот наш родовой. Как вышла я замуж без родительского благословения, так и оттолкнул меня дядя, последний

у кого колечко-то наше.

Игорь внимательно слушал и только согласно кивал головой. Он боялся, что умом тронется мать. Все последние дни, что и говорит о кольце.

Игорь, никогда не отличавшийся суеверием в знахарей и колдунов, так же мало верил в это колечко. Только вот теперь видя умоляющий взгляд матери, он заставил себя поверить в эту сказку.

– Умоляю тебя сынок! Счастье оно приносит добрым людям. Найди его и все беды от тебя враз отступят, – она упала на подушки и беззвучно заплакала.

Такая жалость охватила сердце Игоря! Он подбежал к одру матери и стал успокаивать ее нежными словами:

– Мама, мамочка! Все будет хорошо, успокойся. Я обязательно сыщу это колечко. Обязательно.

– Обещаешь, сына? – она ласково гладила его волосы, также как и в детстве.

– Обещаю мама. Только ты не плачь. Как дядьку-то зовут?

– Евсеем, стар он уже. Пред выбором моим заартачились все, – продолжила свой рассказ Светлана, – не хотели бабюшку твою в семью принять. Уж не знаю отчего. Ума не приложу и все годы над этим думаю. Ну а я возьми и убеги из дома. А колечко, отцом мне заверенное, я Евсею-то в усмешку и оставила.

– Да, интересно это все. А почему ты раньше мне об этом не сказывала?

– Молод ты был и глуп. А теперь вижу и беды твои и напасти вот и предостерегаю и предупреждаю, что есть у нас оберег родовой, который все беды враз ничтожит. Ты дядьку-то найди, может он и сам тебе отдаст. Вспомнит батюшкин наказ.

– Помириться вам надо бы, – осторожно предложил Игорь.

– Да куда уж там. Стары мы и не пойдем. Не хочу я старое ворошить, – потом она заглянула в синие глаза сына и добавила, – а ты найди, найди. Умру я скоро и вот завет тебе мой.

Она закрыла глаза и погрузилась в тревожный сон. Как только дыхание матери выравнилось Игорь осторожно встал и вышел из ее опочивальни.

Вероятно его вчерашнее настроение еще жило в нем надеждой, согревая мечты и помыслы его. Он захотел, чтобы мать знала об его решении, но не стал торопить события.

«Как вернусь, мама, я все тебе расскажу», – мысленно поведал он и тихо закрыл дверь ее комнаты. Светлана откинувшись на большие подушки почему-то громко разрыдалась. То ли ее растрогало внимательность и нежная забота сына именно сегодня, или она чувствовала что-то.

«Верно смерть не за горами, вот и страдаю, что не придется и внуков подержать», – думала с горечью Светлана.

Отец, как ни странно отнесся к затее сына с некоторой опаской. Раньше он всегда первым вместе с Ириной выступал за то, чтобы Игорь посещал всех этих колдунов и знаха-

рей, но снабдив сына положенной суммой и благославляя на неближний путь, проводил за ворота.

Про кольцо Игорь отцу не рассказал. Знал какая обида в сердце отца живет на всю родню матери и беспокоить не хотел. Только посмотрел на доброе и такое родное лицо отца и отошел.

Хотел что-то доброе отцу сказать, но не решился. За слабость принял.

«Восемнадцать лет уже, а еще мамкины сказки слушаешь, да в отцовы глаза заглядываешь!» – поругал сам себя Игорь и спешно сел в карету. Федор от души присвистнул и погнали они коней своих в даль чужую в надежде на лучшее.

– Сверни на Миллионную! – приказал Игорь. Федор послушно исполнил приказ. В саду у калитки стояла Алена и, ласково улыбаясь, приветствовала Игоря.

– Я обещаю, что буду недолго, – сказал Игорь, целуя ее в щеку, – может и ты со мной? – с надеждой спросил он.

Она лишь отрицательно покачала головой и ответила:

– Езжай с Богом! Я буду ждать с нетерпением, езжай через Крымский брод, папенька говорит, что это значительно укорачивает путь, – и она скрылась в густых зарослях черешневых деревьев.

«Она хочет чтобы я быстрее вернулся!» – с радостью подумал Игорь и приказал Федора гнать коней во всю.

«С сегодняшнего дня решается моя судьба!» – подумал уже выезжая за околицу прилипших к Петербургу деревень.

Глава 4

Первая ночь застала Игоря с Федором у небольшой деревеньки под Новгородом. Они наспех перекусили и, проспав не более пяти часов, двинулись дальше. Проезжая Новгород они застали там праздник Успения Пресвятой Богородицы, отмечаемый после Успенского поста 27 августа 1761 года.

Люди шли наряженные в свои праздничные одеяния по улицам и восхваляя Пресвятую Богородицу несли в церковь дары садов и огородов. Игорь тоже положил в корзину пробежавшего мальчишки несколько золотых монет и они продолжили свое путешествие.

Через четыре дня они были в Москве. Посланные вслед Игорю разбойники никак не могли угнаться за ними. Праздник остановил их на целый день в Новгороде, где они трое славно покутили, но, вспомнив об обещанных княжной Климовой деньгах, тут же пустились в путь.

– У них что, карета летит, что ли? – спрашивал Андрей Шмелев, осужденный когда-то за конокрадство.

– Не знаю, но нам надо догнать их быстрее, – сказал неудавшийся лекарь Кузьма Дронов. Третий же, самый молодой и молчаливый, не встревал в беседы старших. У него жутко болела голова после праздника и ему больше всего хотелось сейчас завалиться где-нибудь и крепко заснуть.

У окраины Москвы, в маленьком городке Чижи, Игорь ре-

шил совершить положенный отдых и сменять лошадей. Они не спеша подходили к Чижам, как вдруг из-за небольшого перелеска показались трое всадников. Игорь остановился, чтобы дожидаться их и расспросить о дороге к Новодевичьему монастырю.

– Добрый день, молодцы, не подскажете как быстрее достигнуть монастыря? – спросил Игорь с трудом разглядывая лица незнакомцев.

– Это они, – сказал Андрей.

– Ох и далеко же забрались, – усмехаясь, сказал Кузьма, – мы вас еле догнали.

– Так за нами едете? – с тревогой спросил Игорь, – неужель с дурными вестями вы прилетели?

– Еще с какими, дурными, – ответил Кузьма и саблей полосонул Федора, тот, чуть ли не развалившись надвое, упал к ногам Игоря.

– Чт... что... это... зачем... позволь... Господи! – дальше он уже ничего не слышал и не видел. Шпага Андрея прошлась сначала по лицу Игоря, располосовав его, а потом вонзилась в грудь и он упал прямо на бездыханное тело Федора. Немного посоветовавшись, убийцы решили убрать тела в перелесок и возвращаться обратно. Они срезали волос с головы Игоря в доказательство выполнения своей миссии и, оставив тела меж деревьев, быстро поскакали прочь.

Быстро сгущавшиеся сумерки заставляли старика Евсея быстрее идти, и чтобы срезать лишнюю версту, он решил пройти мимо перелеска, виднеющегося вдали. Давно уже занемогла его старуха, хоть и крепка была и телом и разумом, вскоре вовсе стала плохой, и не хотелось Евсею терять ее, потому по совету людей решил он искать того самого колдуна, что в Новодевичьем монастыре чудеса творит.

Издали он заметил богатую карету и лошадей, пасущихся рядом.

«Попрошу добрых людей до слободы подвезти, авось не откажут», – надеялся Евсей и прибавил шаг. Дверца открытой карета издавала жалостливые звуки, разносившиеся ветром во все стороны.

– Неужель никого нет здесь? – подумал он вслух и прислушался.

Старик внимательно осматривал окрестности и с тревогой всматривался в темнеющий пролесок.

Ему показалось, что кто-то стонет недалече.

– Здесь, верно, кто-то есть ежели карета стоит и лошади бродяют, токмо где вы, хозяйева? – опять вслух спросил Евсей.

– Эй! – он смелее крикнул в темнеющую пустоту, – есть кто живой? – он, вытянув шею, стал внимательно слушать

и тут до слуха донеслось чье-то слабое мычание. Евсей подождал когда оно повториться и только потом, убедившись, что не ослышался, уверенно двинулся в сторону деревьев.

Игорь истекал кровью уже несколько часов и постоянно находился в забытии, то приходя в себя, то снова теряя сознание. Он оглянулся и увидел еще одно тело, он подошел к нему, громко стоная и охая, он к своему величайшему удивлению не мог опознать человека.

«А ведь мы с ним, наверное, вместе попали в беду», – думал Игорь.

– А кто он? – спрашивал он, – Господи! А я? Кто я? – шептал Игорь, теряя сознание в очередной раз. В тот момент к нему подошел Евсей. Он понял, что человек еще жив, хоть был и в бессознательности и значит можно его спасти.

Он с трудом перекинул через себя это худосочное тело и направился к карете, потом спешно запряг лошадей и быстрым аллюром погнал карету в сторону Новодевичьего монастыря к лекарю и знахарю Давиду, к которому и сам путь держал.

От сильной тряски Игорь очнулся и попросил пить.

– Подожди, милоч, погоди. Вот счас приедем к Давиду он тебя посмотрит и быстро на ноги поставит, – ободрял Евсей Игоря.

– Ты... ты... знае... ты знаешь... меня? – наконец спросил Игорь.

– Что ты! Помилуй Бог! Откель мне тебя знать? Нашел

я тебя в пролеске и вот к лекарю везу, – объяснял Евсей, – да-а-а, – протянул Евсей, – здорово тебя отделали. Много с тобой помучится Давид. И кто ж так тебя? – спросил он.

Игорь немного помолчал, тщетно вспоминая все прошедшее, но потом понял, что совершенно ничего не помнит.

– Не знаю, не помню... – хрипло ответил Игорь.

– Да-а-а, дела, однако, но не отчаивайся! Давид ишо не таких на ноги ставил! – успокоил его Евсей и остановил повозку у ручья, чтобы промыть и забинтовать кровоточащую рану на груди Игоря.

* * *

И 1 сентября 1761 года попал Игорь Волков в келью одинокого знахаря, жившего неподалеку от Новодевичьего монастыря. Никого и ничего не помнил этот странник. Лицо было в страшных шрамах, совсем слабый телом незнакомец очень озадачил Давида, который сразу и не мог определить, с чего начать латать тело его?

Евсей, привезя Игоря к нему тут же отправился назад с зельем, который Давид изготовил для его старухи. Евсей сказываясь на скорое его возвращение забрал карету Игоря и вернулся к Давиду с ней уже через несколько дней.

– Из столицы слухи доносятся, что императрица наша Елизавета Петровна скоро почит в мире и покойствии. А место ее будет отдано иноземке той. Жене Петрушки нашего, –

шепотом сказал Евсей, дабы не разбудить спящего и идущего на поправку Игоря.

– Чему быть, того не миновать, – ответил Давид и долил в его кружку горячего напитка. Отхлебнув немного, Евсей зашелся в сильнейшем кашле. Это насторожило Давида. За окном уже стояла не по-осеннему холодная пора и старому человеку она могла не мало бед принести.

– Ты вот этого снадобья выпей, – Давид быстро налил ему в рот микстуру и заставил выпить. Евсей стал покрываться красными пятнами и еще более задыхаться от удушающего кашля.

От шума, производимого двумя стариками, проснулся Игорь. Он сел на полатах и обхватив разболевшуюся голову руками, внимательно наблюдал за ними. Вдруг Евсей мешком сел на пол и стеклянными глазами уставился в окно. Давид виновато откашлялся и посмотрел на упавшего Евсея.

– Оно, конечно, не редкость, но в моем доме никто не умирал прежде, – сказал он как-то рассеянно. Игорь с трудом преодолевая боль, помог Давиду отнести Евсея на поле. Когда Давид перетряхал небогатую одежонку Евсея, из его кармана неожиданно выпало колечко.

Непримечательное, серебрянное и совсем затертое, с темным камешком. Игорь наклонился, чтобы поднять его, но Давид его перехватил. Повертев колечко в руках со всех сторон, он нашел его не более, чем игрушкой.

– На, возьми. Может тебе пригодиться, – сказал он и про-

тянул колечко Игорю. Сам же продолжал трясти одежонку Евсея.

Игорь внимательно разглядывал его на ладони и странное чувство его охватило. Будто живое оно – кольцо и просится на руку. Соскучилось в карманах да пазухах сидеть и место свое законное занять хочет.

Игорь медленно с каким-то тайным торжеством одел его на безымянный палец средний руки и поклялся никогда не снимать в память о Евсее, спасшем его жизнь, найдя его темной ночью в заброшенном пролеске.

Он хотел спрятать руку в карман, но тут его будто змея ужалила. До боли в глазах руку его обожгло адским пламенем. Он второпях вытащил ее и стал внимательно оглядывать виновника своей боли и тут к своему удивлению заметил в камне колечка гаснущий бордовый пламень.

– Давид! Смотри, камень горит, – сказал Игорь и поднес руку к самым глазам знахаря. Тот удивленно взирал на руку, а потом приложив свою шершавую ладонь ко лбу больного, ответил:

– У тебя, милок, жар. Горишь ты, а не камень, – и Давид отослал Игоря в дом, а сам решил пока похоронить Евсея и донести до старухи его весть печальную.

Игорь сел против окна и внимательно вглядывался в камешек перстня. Колыхнулось пламя алое и задрожало. Внимательно всмотрелся он и виделась ему женщина.

– Нашел оберег-то свой, храни и сыну своему передай, –

сказала женщина и тут же все растаяло.

– Мама? – тихо спросил Игорь и подивился голосу своему.

* * *

Давид отличался от людей тем, что никогда не уезжал от своего жилища и ни с кем не вел посторонних бесед, кроме как о тех заботах, которые и привели сюда несчастных.

С Игорем же была совсем непонятная история. Давид никак не мог понять, что же случилось с парнем и кто он есть на самом деле. Игорь попросил Давида никому не рассказывать о нем.

– Как только я поправлюсь, я обязательно сам все вспомню, – уверял его Игорь, – я не хочу, чтобы меня кто-то искал и нашел. Это могут оказаться мои враги, которые и сотворили со мной такое. Думаю, ты тоже того же мнения и повторно меня на ноги поднимать тебе уже не захочется, – на этом и закончили разговор об его дальнейшей судьбе. Это был канун Рождества и с тех пор никогда не заходила беседа о предполагаемом прошлом Игоря.

– Ты, милоч, имя себе дай. А то замучился я с тобой, – в который раз просил его Давид.

– А как хочешь меня величать? – и тут пришло на ум, – зови Евсеем, – предложил Игорь. Он стал более здоровым и постоянные упражнения делали его тело сильным и быстро набирали форму его руки, плечи и ноги.

Он делал упражнения, но никак не мог вспомнить откуда их происхождение и почему некоторые действия его вызывают в нем чувства того, что это уже встречалось в его жизни.

Жадное на тепло, зимнее полуденное солнце, дарило землед редкие лучи, пробивавшиеся сквозь густые, но голые ветви деревьев, припорошенных редким снегом. Под одним из них Игорь устроил себе небольшую стремянку, которая служила для ежедневных утренних занятий.

– Я скоро покину тебя, Давид, – сказал Игорь после утренней трапезы, – в стране волнения из-за дележа престола. Хочу к императрице податься, в гвардию пойти.

Вести до них доносил разъезжий Клим, который привозил в одинокий монашій дом Давида, что находился недалеко от Новодевичьего монастыря, снадь и необходимые для его деятельности порошки и мази, покупаемые у приезжих иноземных купцов.

– Так у тебя еще ни имени, ни бумаг нету, – озабоченно проговорил Давид.

– Ничего, я все устрою, а ты мне поможешь, – ответил Игорь. Благо, что документы старика Евсея оказались с ним в тот момент, когда он помер в доме Давида. С ними теперь-то и мог Игорь на люди выйти и себя представить.

После того, как помер Евсей в доме Давида стал он наблюдать, что попадает под власть своего больного. Вроде ничего и не говорит, но глядя в его глаза, Давид мигом соображал, что на уме у Игоря.

Но никогда он не был обижен Давидом или чем-то прогневан им. Игорь уважал его и старик старался не быть слишком назойливым. Так и жили.

Глава 5

Игорь решил вздремнуть. Сон сейчас служил для больного тела Игоря спасением и главным лекарем. Он только склонил голову, как окутавший его сознание туман, стал открывать ему странные и причудливые картины.

Вот он скачет на коне, за ним еще кто-то, он оглядывается. Молодой парень хочет его остановить и пытается о чем-то предупредить, но увидев его ближе, Игорь замечает, что это Давид злобно хохочет над ним. Игорь уже лежит на траве конь превратился в сломанную карету, а Давид хохочет залихватским женским смехом.

Далее виднеется огромный богатый дом из окна которого на Игоря смотрит красивая молодая девушка. Она смотрит на него с ненавистью и обидой. Игорь хочет что-то спросить у нее, но слышит только ее слова: «Как ты мог, Игорь? Как ты мог?»

Лица заплаканной девушки он не видит, но знает, что она ему дорога, он пытается до нее добраться, но ему мешают множество людей, он попадает на бал. Ищет девушку, но люди не замечают его, толкают и сторонятся. Внезапно они угадывают его и начинают тыкать в него пальцами, толкать локтями и бить. Один даже замахнулся саблей и тут он услышал голос:

– Евсей! Евсей! Вставай, пора уж вечерять, ты и так про-

спал немало, – Давид тормошил его за плечи.

– Зачем ты меня поднял? – закричал на него Игорь, – Давид, мне впервые приснился сон! Он может помочь мне открыть мое прошлое. Какая-то девушка звала меня по имени, только вот вспомнить не могу! – он свесил ноги с палатей и задумчиво смотрел в окно, пытаясь как-то собрать воедино обрывки своего тревожного сна.

– У тебя опять горячка, – сказал Давид пробуя его лоб руками, – когда ж она окаянная тебя оставит? О-о-ох! – он тяжело поднялся и направился к своим баночкам и сосудам с отварами. Немного поколдовав над ними, он принес Игорю ложку вонючего настоя и заставил выпить, как бы он не отказывался.

– Коли хочешь России служить, сам должен быть в здоровом теле и светлой памяти, – с достоинством произнес Давид. Игорь не стал с ним спорить.

– Дай мне зелье, чтобы спать больше, может, мне еще что приснится, – попросил Игорь. Давид вздохнул и сел с ним рядом.

– Все, что делается на этой грешной земле и с грешными людьми, все это воля Божия, сын мой. Ничего не надо изменять.

Игорь взорвался.

– А как же я? Мне надоело жить, ничего не зная, о себе самом! Я устал от неизвестности, я как слепой щенок, а на самом деле молодой здоровый парень! Если я что-то натво-

рил пусть меня накажут по закону! Я не хочу скрываться до конца дней в доме старого лекаря!!!

Давид ошарашенно смотрел на своего больного и вдруг лицо его осветила улыбка.

– Я знал, что ты ишо покажешь карактер свой! Не век же тебе, как агнец быть, а мне нравятся люди смелые и сильные. Сразу видно, что ты рода знатного и норову ишо того! – Давид достал чарку и налил ее до конца передав Игорю.

– На, пей! Уснешь на день, может, чего вспомнишь!

Игорь покорно осушил до дна гадкую жидкость и вышел на улицу.

Вечер, усталый, как и настроение Игоря, надвигался на окрестности монастыря. Злой, колючий ветер загонял за шиворот и в глаза мелкий, противный и колючий снег. Игорь постоянно тяжело опускал веки и молил Бога вернуть ему память. Через некоторое время сон стал клонить его и он, шатаясь вошел в дом и рухнул в постель.

Игорь забылся крепким сном в котором, от него постоянно кто-то бежал. Он пугал людей своим огромным ростом и страшным лицом. Вокруг него бегали молодки и дразня его, вениками прогоняли со двора. Ему снилась свадьба. Но вместо невесты он видел себя, а вместо жениха какого-то солдата.

Вдруг за дальним столом он заметил свою мать и подошел к ней.

– Мама, почему так случается? – спросил он.

– Ничего сынок! Все хорошо будет с этой поры у тебя!

Кольцо-то нашел и молодец, а все остальное забудь. Пролетным днем живи, – сказала мать и растаяла. Так и не смог лица ее увидеть. Он проснулся в поту, но заметил, как ему стало лучше. В жилах кровь закипала новой жизнью. Своей – молодой и сильной.

– Опять орешь дурниной! – удрученно качая головой, сказал Давид садясь рядом на постель Игоря, – сегодня Святки, сходил бы куды, развеялся, в монастырь к людям православным. Помолился бы, – предложил Давид. У Игоря после сна еще жило ощущение горячего и отвратительного поцелуя солдата на свадьбе и он вскочив решил первым делом умыться.

За столом он рассказал свой сон Давиду.

– Тебе женщина нужна, – умно заявил Давид, – есть у нас две монашки, которые того, ну сам понимаешь. Ты уж окреп и... – он не договорил, а замылся, считая, что не положено старику советовать молодому в таких делах.

– С таким лицом, как у меня, на меня ни одна женщина не взглянет. Будь я последним из рода Адамова, – сказал Игорь. Он с первых дней, как попал к Давиду не смотрел на себя ни в зеркало, ни в чистую и зеркальную гладь реки. Видимо его исчезнувшая память все же давала ему знаки о своем прошлом, в котором он страдал от своей внешности.

– Ты зря так о себе мнишь, – сказал Давид, – может твоя память и говорит о том, что ты толкуешь, но поверь мне, ста-

рому человеку, с той поры, как ты оказался у меня ты сильно переменялся и стал настоящим силачом.

Игорь лишь усмехнулся на искренние слова старика и стал опять рубить дрова. Полезный труд приятно преображал его фигуру.

* * *

А в Петербурге на Миллионной улице Алена и Сергей ссорились так, что казалось, будто они сейчас подерутся.

– Ты знаешь, что твой отец должен моему крупную сумму и она не покрывает и половины долга, если вы даже продадите нам свою половину завода! – ядовито сказала Алена.

– И чего же ты добиваешься? Ведь наши родители всегда приходили к согласию! А теперь когда моего отца не стало вы решили напором отнять у меня все! – кричал Сергей.

Алена помолчала и, видно что-то про себя решив, ответила:

– Ну все отнять мы не вправе, ведь главный поставщик кожи и шкур ты, – сказала она и повернулась к окну.

– Даже если я и продам их Киселеву, который обещал мне хорошие деньги, я не смогу выплатить долг, – Сергей был в безвыходном положении.

Его отец незадолго до смерти пристрастился к азартным играм, которые тайно проводились в подземельях определенных домов. Ему удалось в пух и прах проиграть своему

конкуренту и старинному другу Климову Анисиму половину завода, по праву принадлежащую семье Кротовых, и еще крупную сумму в деньгах, заверив свой долг в бумагах, который Анисим представил в суде после смерти Василия Кротова.

Позор, который испытал Сергей за своего отца из-за его пристрастия, перерос в еще более тяжкий грех отца – огромный долг, который он оставил сыну. Полное разорение и сочувствие двора совсем не прельщали Сергея. Он во что бы то ни стало хотел замять это дело, пока слух не распространился по всему городу.

Сергей не знал, как можно рассчитаться с Климовыми, минуя завод, который так хотел получить Анисим. Но чем дальше продвигалось дело, тем яснее становилось, что ему не миновать полного разорения и дальнейшего жалкого существования.

Алена как-то между делом намекнула ему на простое разрешение этой проблемы, но Сергей никак не мог понять сути. И вот сейчас она томно вздыхает и бросает на него такие откровенные взгляды, что до него стал доходить смысл ее слов.

«Неужель она меня любит еще? – спрашивал себя Сергей, – да, вероятно, что я прав. Просто после Ирины и всей этой неприятной истории я совсем забыл о том, что меня соединяло с этой женщиной. Я забыл, а она все время преданно любила меня».

– Алена, если ты и вправду знаешь, как разрешить эту проблему, да так, чтобы о ней мало кто узнал, скажи, не томи. Я сделаю, все, что ты попросишь! – сказал Сергей и встал на колени. В данный момент его больше всего волновала собственная судьба и его положение при дворе. Алена знала об этом. Она прекрасно понимала, что значит потерять свое место при дворе и быть отстраненным от власти имущих. И также она твердо знала, что именно сейчас Сергей был более податлив.

Он одинок, беден, с больной матерью на руках.

– Я вижу только единственное и верное разрешение этой проблемы, – она отвернулась от окна и глядя прямо в глаза Сергею, продолжила, – нам надо пожениться!

Как ни странно, Сергей не воспринял это как что-то из ряда вон. Он сам как-будто ждал, что решение придет, и оно пришло, и слава Богу, а уж каким путем достанется ему вот-вот ускользавшее блестящее будущее, его не волновало. Главное, найден выход, а если посмотреть с другой стороны – Алена не такая уж плохая. Красива, умна, образованна, на хорошем счету у императрицы, да еще и рода знатного.

«Почему бы и нет?» – спрашивал себя Сергей и не находил противоречащих этому браку оснований. Она смотрела на него своими зелеными глазами и словно вводя в столбняк, улыбалась. Она уже по лицу Сергея прочла, что скоро она достигнет своей цели и будет счастлива.

– Я думаю, что мы можем прийти к согласию, – сказал

Сергей и, поцеловав ей руку первый раз после полуторагодовой разлуки, удалился. Печать Ирининогo позора коснулась и его. Сергей хотел быстрее избавиться от назойливых вопросов и смешков в свою сторону.

Климова была выгодной невестой и уже не в первый раз она отсылала прочь от своего дома нелюбимых сватов. А тут сама на Сергея глаз положила и не вспомнила об Ирине.

Через неделю к дому Климовых подкатило несколько разряженных карет и родственники Кротова Сергея высыпались на двор Климовых, словно горох, гомоня и распевая песни.

Алена наблюдала за ними из окна и радовалась своей задумке и тому, что наконец ею достигнуто.

И в конце декабря они сыграли веселую и шумную свадьбу. Невеста была в красивом белом подвенечном платье, которое сливалось со снегом у собора. Нищие и калеки щедро были одарены богатыми и расточительными в тот день родственниками молодоженов.

Следом произошло печальное для России событие. Умерла Елизавета и племянник ее вступил на престол.

Его самым первым манифестом был закон об освобождении дворянства от обязательной службы.

Теперь землевладельцы превращались из служивого в привилегированное сословие и власть их над крестьянским населением не только была отменена, а наоборот стала кабалой.

В начале января 1762 года Игорь решил покинуть дом Давида и податься по протекции его в гвардию. А в Петербурге праздновали слияние двух фамилий в одно предприятие. Завод, которым раньше владели два хозяина, перешел в одни руки – во владение Кротова Сергея, но в документе был один нюанс, без которого конечно этого бы не произошло. В нем говорилось, что Кротов Сергей – владелец кожевенного завода на Соловках до тех пор, пока женой его является Климова Алена Анисимовна. Алена хитро и ловко проделала весь этот маневр, убедив жениха в справедливости такого порядка. У Сергея не возникло никаких вопросов и подозрений относительно составленного договора.

Да их и не могло быть. Алена всем распорядилась очень умело и, как показалось Сергею очень щедро, переведя на векселя мужа огромную сумму денег со своих счетов.

– Чтобы ты сам мог распоряжаться ими, как хотел, любимый, – ласково ворковала она. – Ведь полноправным владельцем ты станешь не раньше, чем через месяц, а пока тебе не мешало бы и побаловать жену подарками, – ласково произнесла она, по-кошачьи крутясь около него в прозрачном нижнем белье.

Она была восхитительна. Он схватил ее за руку и привлек к себе. Одарив ее жадными и страстными поцелуями, он в

нетерпении увлек ее в спальню. Там при зашторенных окнах и догоравших свечах он наслаждался любовными утехами со своей молодой женой. Она же с лихвой заполнила все его существо любовью, которое надолго было лишено женской ласки и участия.

Глава 6

1762 год. Март. Петербург

Весна оповестила своим приходом город громким и тревожным гамом грачей и серебристыми звенящими ручьями, в которых плавали бумажные корабли, сделанные детишками. Солнце торопилось за свое недолгое пребывание отогреть землю и дать сил неуверенно распускавшимся листочкам березы. Она, как одна из самых ранних предвестниц весны и праздника, одаривала все живое своим заразительным желанием распуститься и потому, все вокруг торопилось последовать ее примеру.

Да, город готовился к Пасхе и это чувствовалось даже в воздухе, напоенном пьянящей весенней элегией. Много весен было на счету Игоря, но эта была самая лучшая и самая чудная, так как остальных он не помнил, если честно то и вспоминать не хотел.

Он медленно подгонял свою лошадь к городу и осматривал эти чудные строения и великолепные сооружения храмов, церквей и соборов. Напрягая мучительно память, он не мог все же вспомнить об этом городе ничего. Повсюду мелькали нарядные летние платья, зонтики с бахромой и шляпы с цветами. Повсюду царили радость и веселье. Игорь сам проникся этим ощущением праздника и был весьма неожиданно прерван за своими приятными мыслями голосом женщины.

К нему подскочила цыганка и предложила позолотить ручку. Он раскрыл ладонь и тут заметил на запястье цыганки маленькую цепь из бус. Это было простое плетение черно-белого стекла, но оно так подействовало на него, что он схватил ее за руку и долго вглядывался в эти мелкие бисеринки, как-будто они должны были ему что-то рассказать. Цыганка, испугавшись такого обращения, одернула руку и гневно посмотрела на него.

– Нравится? – хитро спросила она, видя, как он заинтересовался, – хочешь купи, уступлю, дешево отдам, – и она уже одевала его на руку Игорю, – запомни мое слово, поможет оно тебе. По нему родного человека найдешь, – и она, получив названную сумму, исчезла.

Игорь долго еще вглядывался в эти бусинки, но отчаявшись не вспомнил ничего. Он достиг военной австории уже после полудня. Его быстро записали в гвардию Орловых и приказали пока пожить казарме. Он представился, как Евсей Дронов солдат Преображенского полка. Его не стали проверять и запрашивать его данные из Преображенского. В стране надвигался переворот, но об этом все молчали, хотя и знали.

24 апреля император Петр III заключил мир с Фридрихом, с тем самым Фридрихом, который при Елизавете приведен был в отчаяние русскими победами. Этим он переполнил чашу русского огорчения и довел всенародный ропот до открытого взрыва.

Игорь, как и все остальные солдаты, чувствовал возмущение и ждал, когда же свершится долгожданный переворот. Он выпросил аудиенции у Екатерины и, преклоняя пред ней колени, одним из первых поклялся ей в верности и преданности.

От него она услышала просьбу народа встать во главе державы и быть ей настоящей матерью. Екатерина, польщенная таким вниманием, привлекла молодого и смелого Игоря в свое окружение и теперь он был постоянным ее спутником на балах и собраниях. А 9 июня за парадным обедом, данным по случаю подтверждения этого мирного договора, когда император превозгласил тост за императорскую фамилию, Игорь стоял позади ее. Когда за какую-то маленькую провинность император хотел арестовать Екатерину, именно Игорь уговорил Петра не делать этого во имя спокойствия взбудораженных масс.

Екатерина впоследствии узнала, кто являлся ее защитником и оценила его помощь.

Жена императора уж больно сильно взяла власть в свои руки, но русским людям она была более близка нежели царствующий император Петр III.

Игорь слышал, как в прошлом году весь Петербург, приходя во дворец поклониться праху Елизаветы, видел Екатерину, в глубоком трауре благоговейно стоящей у гроба покойной. При погребении она усерднее всех исполняла похоронные обряды русской церкви; и духовенство и народ были

этим очень тронуты, и тем больше крепло их доверие к ней среди усиливавшегося ропота на безумства императора.

Гвардии грозила опасность нелепой войны с Данией за голштинские интересы, Екатерине – заключение в монастырь, куда хотел отправить ее Петр, чтобы жениться на одной из своих фрейлин.

Поведение Екатерины было противоположно поведению ее безумного супруга. Она всегда старалась казаться русской и православной.

– Она скромна, приветлива и ласкова со всеми, соблюдает все праздники и посты, посещает богослужения, – так отзывались о ней все главные лица дворца и этот слух доходил до народа, который и сам воочию убедился в достоинстве Екатерины.

Игорь знал, что доверие народа будет в пользу Екатерине и именно с ним она может по праву и по происхождению занять престол. Он знал, что именно она станет той владычицей державы, которую ждут в России и которую будут бояться соседние государства. Ему непременно хотелось высказать это все ей и тем привлечь ее внимание, но он понял, что можно действовать и по-иному.

Как он и ожидал, в городе его никто не узнавал. Он обошел несколько кабаков в надежде услышать что-то о себе, но все оказалось тщетным. Сам он остерегся задавать вопросы и решил пока оставаться тем неизвестным Евсеем Дроновым, за которого себя и выдавал.

Первым делом Игорю нужен был человек друг и точный осведомитель обо всем, что твориться в государстве и дворе. Он представлял, что это будет мужчина, но судьба повернулась иначе, представив в его распоряжение очаровательную девушку и приближенную к дворцовой кухне стряпуху, которой были известны все мелкие интриги и сплетни двора.

Он вошел в трактир Слонова и, заказав себе плотный обед, стал разглядывать всех присутствующих в оном заведении.

Вот пара вполне благопристойных супругов с сыном, два фабриканта обсуждают дела, вошли еще три дамы с покупательницами, тоже решившие перекусить у Слонова. Вот именно они-то и привлекли внимание Игоря. Они сели рядом с его столиком и стали шепотом обсуждать достоинства их соседа. Игорь сделал вид, что не обращает внимания на них, а сам внимательно прислушивался к их разговору. Наконец они перестали обсуждать его и перешли к своим насущным делам.

– Вы слышали, что графиня Леднева беременна и выслана из Петербурга, – говорила темная девица в синей шляпке. Две удивленно другия подняли брови и стали шепотом обсуждать, кто бы мог стать отцом ребенка?

– А вот вчера ко мне на кухню пожаловал сам император, – гордо призналась самая молодая и красивая из всех трех.

– Да что ты говоришь, Вера? Правда? И что... – и три

головы, склонившись над столом, стали что-то бурно смеясь обсуждать.

Игорь решил действовать. Проходя мимо них, он уронил ее веер, лежащий на краю стола и наступил на него. Вера, та самая стряпуха, широко раскрыла глаза и только хотела возмутиться, как он ее перебил. Игорь сел перед ней на колени и, состроив самую виноватую и печальную гримасу, произнес:

– Бог мой! Мадам, – он опустил глаза и приставив руку к груди продолжил, – вы не представляете каким идиотом я чувствую себя сейчас! Я вас умоляю, дайте мне шанс исправить свою медвежью неловкость! – он страстно схватил ее за руку и прижал ее к своему сердцу. – Слышите, как оно стучит? Оно готово вырваться из своего убежища пока вы не пообещаете мне встретиться с вами вновь, дабы отдать вам сию вещь уже новую!

И на Веру и на ее подруг подействовал такой натиск вежливости и настойчивости со стороны молодого гвардейца, что Вера рассмеялась и пообещала встретиться с ним завтра в это же время у дворца с его задней стороны.

Игорь, довольный результатом своей работы, вернулся в казарму и завалился спать.

«Странно, меня вправду никто не угадывает. Это значит, что я здесь не жил. Я наверное был солдатом, но по словам Давида у меня всегда были белые и холенные руки и одет я был, как князь. Но не стоит торопить события. Начав спрашивать о себе я могу опять на свою голову тех бандитов,

а я пожить хочу, тем более, что мне позволяет здоровье и средства, выданные Давидом».

– Здоровье, здоровье, – еще раз повторил Игорь, – нет, ничего не помню, хотя... нет, ничего.

Он лег спать. На этот раз ему не снилось ничего, кроме печально качающихся деревьев. Деревья, деревья, нет не лес, а просто одни деревья, тянущие свои цепкие и голые ветви к солнцу, которое металось по небу, как безумное.

Он проснулся от играющих на его щеке солнечных зайчиков. Учения прошли более успешно для Игоря, чем в прошлый раз. Он очень удивил свое начальство и сослуживцев такими блестящими результатами, которые обычно достигаются после нескольких месяцев обучения.

Оказалось, что он стреляет метче всех, его слушают самые сварливые лошади, его тело никогда не знает усталости. Ему ничего не стоит на скаку с седла поймать руками зайца или выстрелить в летящую утку.

На вопросы сослуживцев он отвечал очень коротко и скудно и потом, уже заслужив доверие начальства и командования, к нему и вовсе перестали обращаться по таким мелочам. Всех интересовала подготовка и его личные достижения. Его ставили в пример, он обучал юнцов, а еще через два месяца получил отряд.

Он привлек к себе внимание унтер-офицера Потемкина, который познакомил его с преображенцами Пассеком и Бредихиным, измайловцами Ласунским и братьями Рославле-

выми. Он тогда уже был в составе гнезда из братьев Орловых, из которых особенно выделялись Григорий и Алексей: силачи, рослые и красивые, ветреные и отчаянно-смелые, мастера устраивать по петербургским окраинам попойки и кулачные бои насмерть, они были притчей во языцах во всех полках и служили живой легендой гвардейской молодежи. Старший Григорий считался фаворитом императрицы, но искусно скрывал это.

Именно на одной из таких пирушек, устраиваемых Григорием в честь дня своего рождения, Игорь встретился с ним.

В кабаке на окраине Петергофа, где по словам Веры собирались все отчаянные солдаты императрицы, Игорь попал не случайно.

Он вместе с елизаветинским дипломатом и воспитателем великого князя, наследника Павла, графом Никитой Паниным ехал в Казанский собор по приказу Екатерины и вдруг на карету графа наехал пьяный и дерзкий Орлов-младший.

Панин хотел было немедленно поставить в известность Петра о хамском поведении Орлова и полном неуважении к дворцовой свите, но Игорю удалось замаслить это дело.

Алексей Орлов, будучи пьян, все же заметил в этом храбром и отчаянном солдате особую дипломатичность, присущую не всем.

Он пригласил его в кабак, где проходило сие бурное гуляние и представил своим друзьям, с которыми Игорь был уже знаком.

Алексей расписал своему брату Григорию Игоря, как смелого и тактичного человека.

– Я это еще на парадном обеде заметил, – вальяжно развалившись на кресле, сказал Григорий.

– Ты о чем? – спросил Андрей.

– Я видел, что именно ты спас от ареста великую княгиню.

– Да! Я тоже что-то слышал об этом, – сказал Алексей, пригубляя с товарищами очередную чарку водки. Игорь по взгляду Григория понял, что тот или завидует, ему или еще что-то скрывается в его голове. Глаза Григория, несмотря на пьяный хмель, метали искры.

– И чем же я провинился, что ты на меня сейчас волком смотришь? – спросил Игорь, глядя прямо в глаза Григорию.

Его взгляд Григорий выдержать не смог, хоть и пытался.

«Да откуда ему знать обо мне и Екатерине. Гнев его праведен. Судить не буду, а за смелость возьму к себе. Такие люди нам нужны», – подумал Григорий и уже назавтра Игорь был в числе Орловых.

Все это время он был неразлучен с Верой, которая все больше и больше влюблялась в этого чернявого, статного и красивого офицера гвардейской роты.

Иногда он забегал к ней во дворец и она с намерением сначала накормить Игоря бросалась в столовую, но он перехватывал ее на бегу и, затащив в ее светелку, предавался с ней плотскими утехам, потом убегал по делам, так ничего и не поев.

– Ты для меня самое вкусное лакомство, солнце мое, – говорил он на прощание, когда она огорченно разводила руками из-за его поспешного ухода.

– Так не всегда ж этим питаться-то? – она уже говорила вслед. Долго еще в комнате оставался запах его тела и слышался только для нее его смех. Она ложилась на кровать и начинала перебирать все, что произошло с ней за последние два часа. Что он говорил, как целовал и смотрел, о чем спрашивал и как смеялся ее рассказам. Она готова была расплакаться от счастья.

Неужель ей, простой и не слишком образованной девке так повезло? Евсей, самый лучший офицер из всего гвардейского полка императорской армии стал ее суженым.

Со временем Игорь стал понимать, что представляет собой двор императрицы. По обрывчатому пересказу Веры, там с утра до вечера шла азартная игра на крупные суммы денег среди сплетен, подпольных интриг, пересудов, наушничества и флирта, флирта без конца.

Вера была хорошим осведомителем, сама того не понимая.

Глава 7

Петр III все более разжигал лютую ненависть к себе от всех. Окончив для России бесполезно одну войну он затевал другую с Данией, чтобы отнять у нее Шлезвиг, отнятый у Голштинии. Готовя силы Российской империи для воинственного нападения на Данию, он в тоже время ратовал за свободу совести в родном отечестве. Это казалось смесью, непостижимой для умов.

– Господи! И чего нейметя нашему Петруше? – с огорчением спросил Алексей у Панина, который стал другом и соратником гвардейцев, так как был тоже заинтересован в перевороте.

– Неужель это правда, что нас пошлют войной на Данию только для того, чтобы нашему Петруше вернуть Шлезвиг? – тоже спрашивал Игорь у огорченного Никиты.

– Это еще цветочки! – сказал он. – У него, в мыслях его детских, возник совершенно безумный план, и я благодарю Господа, что сам и друзья мои не стали раньше времени обременять себя узами брака, – говорил Никита, а гвардейцы внимательно ловили каждое его слово. Никита замолчал. Гвардейцы притихли. Никита, заметив как приутихли голоса друзей и внимание выступило на челе каждого, немного повременил с новостью и подойдя к столу налил себе чарку вина. Он медленно отпил глоток, смакуя превосходный на-

питок.

– Ну?! – уже уже с некоторым нетерпением и злостью спросил кто-то.

– Он хочет развести всех придворных дам с их мужьями и переженить по своему усмотрению! Представляете? – Никита, сам удивляясь своим словам, даже встал и начал ходить по казарме взад-вперед.

– Нет! Друзья надо с этим заканчивать! Так продолжаться не может! Не должна наша держава посмешищем служить на устах соседних государств! – горячо сказал Григорий Орлов. С ним все согласились. Народ уже не скрывал своего неприятия по отношению к полоумному подражателю Фридриха – русскому императору Петру III.

Не было ни правильных собраний, ни пропаганды, просто были созданы четыре отделения заговорщиков, во главе которых стояли особые вожди, собиравшиеся для особых собраний.

Да в этом не было и надобности: целые ряды дворцовых переворотов воспитали гвардию и она не нуждалась в особой подготовке к подобному предприятию, лишь бы было лицо во имя которого всегда можно было поднять полки.

По улицам ходили толпы народа, особенно гвардейцев и почти въявь ругали государя. Он же веселый и беззаботный продолжал ветреничать в Ораниенбауме.

Арест Пассека 27 июня поднял на ноги всех заговорщиков, испугавшихся, что арестованный может выдать их под

пыткой.

– Сегодня же ночью езжай в Петергоф за Екатериной и доложи обо всем! – приказал Алексею Орлову его брат Григорий.

Накануне переворота Екатерина считала на своей стороне до 40 офицеров и десять тысяч солдат гвардии. Переворот не был нечаянным: его все ждали.

Игорь оказал неоценимую помощь и в подготовке переворота. С его дипломатичностью и острым умом соглашались многие и ставили его предложения на обсуждениях, как самые верные и уже значимые.

Вместе с Орловым в Петергоф отправился и Игорь, дабы собрать полки и предупредить Разумовского о предстоящем.

Как-только Алексей предупредил Екатерину и она вместе со своими фрейлинами в спешности выехала в Измайловский полк, там ее уже ожидали подготовленные солдаты и Игорь вместе с ними присягнул ей в верности, целуя ей руки, платье.

– А теперь в Семеновский полк, – предупредил Разумовского Игорь, – там тоже ждут великую Екатерину, дабы присягнуть ей в верности.

День выдался жаркий и солнце пекло нещадно. Игорь, скрываясь от палящих лучей солнца, заметил в толпе двух полков,двигающихся в Казанский собор для возглашения Екатерины самодержавной императрицей, молодого и серьезного унтер-офицера, который внимательно разглядывал

Игоря.

«Неужель прознал?» – с тревогой подумал Игорь. Если честно, то уже ему хотелось, чтобы кто-то его все же узнал, но он боялся. Чего? Он сам не мог понять. И потому решил быть с этим унтер-офицером осторожней.

Екатерина двигалась во главе двух полков и толпы народа. Все смешалось и тот неизвестный, заинтересовавшийся Игорем и, заинтересовавший его самого, куда-то исчез. Напрасно Игорь выглядывал его в этой безумной и радостной толпе.

Дальше к движению их примкнули конногвардейцы и преображенцы с некоторыми армейскими частями и числом свыше четырнадцати тысяч окружили дворец, восторженно приветствуя императрицу, обходившую полки.

Без возражений и колебаний ей присягали и должностные лица и простолюдины, все кто попал во дворец. Игорь смотрел и изумлялся. Эта феяерия напоминала сказочную картину: будто какой-то невидимый бог помогал Екатерине и простым людям осознать всю значимость производимого действия. Никаких возражений, все согласно и все ладно.

Людей подкупил и ее наряд, еще выдуманный Петром I. Она верхом, в гвардейском мундире старого петровского покроя и в шляпе, украшенной зеленой веткой с распущенными длинными волосами, рядом с княгиней Дашковой, которая поставила целью заманить Игоря в свои сети, двинулись в Петергоф.

Был вечер 28 июня. Из Ораниенбаума в Петергоф должен был прибыть император для завтрака в Монплезире. Но там он никого не застал.

Ему доложили, что Екатерина утром тайком отправилась в Петербург. Все были в недоумении и растерянности.

– Я сию же минуту отправлюсь в Петербург и попрошу императрицу вернуться, усювестив ее в своих действиях! – сказал Воронцов. Уехал и не вернулся.

Утром 29 июня Екатерина со своими поданными заняла Петергоф и Петр подписал клятвенный акт отречения от престола.

– Представьте, друзья мои! – торжественно говорил Никита Панин своим сослуживцам и гвардейцам-друзьям, – я вхожу во дворец и тут наш величавый вседержатель кинулся целовать мне руки, прося моего ходатайства! Я уж подумывал, что бывший царь проявляет характер и хочет силою отнять трон у жены своей! Знаете, я даже в душе загордился, но оказалось! Ха-ха!

Он сделал минутную паузу, так полюбившийся ему прием, и выждав пока терпение его слушателей иссякнет, продолжил, давясь от собственного смеха:

– Он жалостливо просил оставить с ним полюбившиеся ему... вещи – это скрипку, любимую собаку, арапа и... и Елизавету Воронцову!

Все закатились истеричным хохотом. Наконец отсмеявшись, Алексей Орлов спросил:

– Первые три вещи ему оставят, но что будет с Воронцовой?

– Ее выдадут замуж по усмотрению Екатерины! – ответил Панин, заливаясь еще более раскатистым смехом. Все благодушно согласились с решением императрицы и сочувствуя ей, прочили в мужа Воронцовой чуть ли не дьявола.

– Игорь тебе сегодня достанется поистине историческая миссия! – сказал Григорий. Он все же недолюбливал Игоря. Сказывалось то, что императрица была благосклонна к нему и Григорию это не нравилось.

– Да, – он, видя недоуменные взгляды сослуживцев, решил рассказать им, что он сегодня возглавляет отряд, который должен отправить бывшего императора в Ропшу, загородную мызу, подаренную ему императрицей Елизаветой.

Именно Игоря выбрала Екатерина во главе сего отряда. Это случилось по просьбе Дашковой, которая усмотрела в нем своего суженого и хотела получить его.

* * *

На другой день Екатерина торжественно вступила в Петербург. Все утверждали, что такого переворота еще не было в истории государства Российского. Без единой капли крови. Настоящая дамская революция.

Но она стоила владельцам питейных заведений огромного убытку. Солдаты и солдатки, крестьяне и фабриканты в

бешенном восторге тащили и сливали во что попало, водку, пиво, вино и всякие другие спиртные напитки.

Праздник был в разгаре. Вере не суждено было встретиться со своим суженым за это время. Он был похищен княгиней Дашковой и пропал в ее покоях на три дня.

Потом она уговорила его отобедать с ней во дворцовой столовой, куда сама была приглашена великой императрицей Екатериной. За столом он встретился со своими друзьями-гвардейцами, свершившими сей переворот. Это братья Орловы, освобожденный Пассек и Ласунский. Остальные еще приходили в себя после трех дней обильного запоя.

Друзья хитро подмигивали и обменивались колкостями по адресу Игоря. И тут, только он хотел что-то ответить им, вошла Вера. Раньше она никогда не посещала дворцовую столовую, но пронырливая Анна, рассказала Вере, что за императорским столом сидит Игорь. Вера не поверила и решила сама посмотреть. Как же было велико ее горе!

Она медленно отвернулась от Игоря и посмотрела на щебечущую Дашкову и сразу все поняла.

На кухне с ней сделался обморок. Встревоженные поварихи и служанки мигом вызвали лекаря и тот, заметив у нее жар, отправил ее на отдых.

– Извините, – Игорь выскочил из столовой и бегом направился в кухню. Немного поплутав в лабиринте комнат и закоулков, он все же по запаху определил ее и, войдя туда заметил склонившиеся головы ее подружек и маленького, су-

хонького доктора. Игорь не стал ни о чем спрашивать.

«Будь что будет! Я ничего не обещал ей и не никогда не думал связывать свою судьбу с прислугой, тем более, что Дашкова сейчас от меня просто без ума!» – с таким решением он вышел их кухни и направился в большую залу, где Екатерина распорядилась выплатить виноторговцам вознаграждения их «за растащенные виноградные напитки солдатством и другими людьми при благополучном восшествии на престол ее величества».

– Евсей Давидович! – обратилась императрица к вошедшему Игорю, – мы тут с вашими друзьями завели спор о том, сколько времени потребуется для полнейшего расчета с владельцами питейных заведений. Они говорят одно, я же представляю совсем другое. Уж рассудите и помогите нам, – она кусая перо смотрела на Игоря.

– Я думаю потребуется времени около трех, а то и более лет. Сразу рассчитаться вы не сможете, так как ваш благоверный супруг умудрился тратить деньги без ума и надобности! – Игорь взирал на собравшихся и ему совершенно было неинтересно их мнение. Екатерина спросила его, он изволит отвечать и никому не удастся преломить его и заставить сделать что-то другое.

Вот именно эта черта упрямства заставила Андрея Головкина внимательно приглядеться к этому незнакомцу. Конечно, он мало напоминал ему исчезнувшего два года назад друга, но было в нем что-то до боли знакомое.

– Спасибо, Евсей! Я жалую вам главенство над всеми торговыми палатами по северной части Петербурга. Звание офицера вы заслужили и так. Я чту вашу помощь и никогда не забываю друзей моих! – сказала Екатерина и жестом попросила убрать все бумаги и начать оформление прав Игоря над новыми владениями.

– Я буду очень стараться в своем деле, но думаю и надеюсь найти себе применение в более почитаемом значении, – уклоняясь от прямой просьбы сказал Игорь.

Екатерина внимательно посмотрела на него, а потом оглядев свое окружение, поняла о чем молвит этот человек.

– Ну конечно! Конечно! Я понимаю, вы можете остаться в гвардии Орлова, но прошу не откажите в любезности принять и гражданский долг в подарок. Вам не придется самому заниматься бумагами и прочей волокитой. Вы будете по желанию своему осматривать владения и собирать ежемесячную подань с владельцев.

Она внимательно и вопрошающе взглянула на него и ему ничего не оставалось ничего, как сказать:

– Слушаюсь, Ваше Высочество! – его ребячья манера рассмешила Екатерину. За ней рассеялись и все, кроме Андрея Орлова.

«Я буду очень стараться, я буду очень стараться», – повторял про себя Андрей слова Игоря и, казалось ему, что когда-то он уже слышал это.

«Я буду стараться, я обязательно должен выздоро-

вель!!!» – Андрея осенило. Он в мельчайших подробностях помнил голос, ритм, выговор друга, манеру, жесты, его постоянно прищуренные глаза из-за плохого зрения – и этот человек всем напоминал ему друга, но вот внешность его совершенно не походила на Игоря.

Этот рослый синеглазый красавец с длинными волосами, собранными в хвост, что никогда не признавал Игорь, с мускулистым телом, красивыми загорелыми руками с сильными ногами, ну никак не мог быть Волковым, который остался в памяти Андрея.

Шрамы на его лице скорее делали лицо его более красивым и мужественным, нежели отталкивали. Эти шрамы достались Игорю благодаря Лениным убийцам. Они и стали главным предметом, который ставил в сомнение его личность.

Слухи о невероятной силе, ловкости и меткости Евсея расходились легендой по всему городу. Ведь этому надо много учиться и набирать опыт не в одном смертельном бою и на памяти Андрея у Игоря вообще не было ничего подобного.

Какая-то неведомая сила толкала Андрея поговорить с этим человеком и рассказать ему обо всем. Рассказать о своем друге, о той коварной женщине которая услала его в никуда и теперь, обманом заполучив в мужа самого богатого и завидного жениха Игоревой сестры, живет себе в удовольствии.

Рассказать обо всем, что накипело за время отсутствия друга. Ведь Андрей с тех пор так и не сошелся ни с кем. Потеря друга сильно потрясла его.

* * *

Андрей помнил, как после трехнедельного отсутствия Игоря он собрал всех своих друзей и кинулся на его поиски.

Целую неделю они рыскали по всему Петербургу и его самых дальних окраин. Алена точно не говорила, куда отправила Игоря. Она смеялась Андрею в лицо, а он умолял сказать где его друг.

– Этот чудак ничего не рассказывал мне о своих планах! Он влюблен и может совершить, что угодно, – говорила она.

Потом вероятно рассудив, что ежели отыщется тело Игоря ее первую начнут подозревать она с притворной заботой кидалась пред Андреем и умоляла найти Игоря.

– Андрей! Он ведь не слушал меня никогда! Если он меня слушал то и сидел бы сейчас здесь! Но, нет это все сестрица его! – она резко встала и подобрав подол платья подошла к окну и изображая убитую горем и оскорбленную женщину, тихо плакала, глядя в окно и молилась, чтобы Андрей быстрее покинул ее покои.

«Ах вот оно что! Она Игоря свела и теперь на Ирину беду кличет! Мало ей того, что Ирина и так наказана!» – думал Андрей. Он ни на минуту не верил ей. С тех пор как впервые

ее увидел.

Еще два месяца после этого он бесцельно ездил по городам Новгород, Москва, Тверь, но все безрезультатно.

И вот теперь каким-то шестым чувством он подозревал, что этот Евсей может открыть ему тайну, но вот как ему подступиться, если он являл собой скрытную сущность и никогда не входил ни с кем в контакт, кроме Алексея Орлова. Они часто вместе ездили в Ропшу наведать заключенного там, бывшего императора.

По рассказам Алексея, Евсей неплохо играл в карты и вел светские беседы, знал несколько иностранных языков, происхождение которых можно отнести и к его ученой образованности и многочисленным походам по миру. Что в действительности было более верным, никто знать не мог. Даже Алексей Орлов удивлялся тому, как ловко Евсей уходил от ответа на вопросы, касающиеся его бывшей жизни.

А Игорь просто не знал, что говорить и как-то раз, просто шуткой при всех сказал, что потерял память и ничего не помнит о своем прошлом.

«Может это и есть правда?!» – подумал Андрей и решил сегодня же завести с Евсее беседу.

Он пришел к нему прямо через день. В дверь постучали. Вошел тот самый человек, который при превозглашении императрицы на престол, насторожил Игоря своим взглядом.

После того, как он с замиранием сердца выслушал рассказ Андрея Орлова, Игорь, подавляя дикое желание разузнать о

себе что-нибудь, пересилил это чувство и навсегда захлопнул дверь в прошлое.

– Извините, Андрей, но потеря друга по всей вероятности сильно повлияла на вас и теперь вы ищите человека, который хоть чем-то на него похож. Я не смогу вам помочь, хотя очень понимаю вас, сам был в таком состоянии, когда потерял жену – соврал Игорь и таким способом из-за боязни быть раскрытым отрекся от своего единственного и лучшего друга. Он выбрал свой путь и не хотел его менять.

– Постой, Евсей, а этот браслетик на руке? Неужели он просто... – Андрей хотел напомнить ему о его сестре, у которой было такое же ожерелье, только во много раз дороже и с которым она не расставалась даже в монастыре, но Игорь остановил его.

– Это подарок жены, которая подарила мне его еще год назад. Это просто память, – и он поспешил скрыться от врывающегося в его жизнь неизвестного прошлого.

Глава 8

Екатерина кроме нового назначения подарила Игорю каменный дом в Петербурге, загородное поместье в Петергофе и пожаловала пожизненную пенсию. Так она поступила со всеми, кто помог ей встать во главе державы.

Екатерина раздала им по восемнадцать тысяч душ крестьян и до двухсот тысяч рублей, единовременных дач не считая пожизненных пенсий. Но они не оставляли ее в покое и постоянно требовали еще большего.

Игорь понимал, что Екатерина служила просто орудием переворота для некоторых. Она молодая, неопытная чужестранка до конца еще не признанная русской землей, накануне развода, поверила и отдалась людям, которые хотели ее спасти, но и после получения престола не могла еще ничем управлять.

Братья Орловы по-своему извлекали выгоду из нее. Она плохо знала народ и не было способа узнать его не только из-за расстояния, но и нравственной отдаленности, которую выстроила еще Елизавета.

– Волнения народа относительно моего восхождения на престол мне понятны. И я должна доказать, что не так далека от них, как мой супруг и не стану навязывать им всего того, что противно им. Предшественник мой оскорбил национальное чувство, презирая все русское. И я обязана восста-

новить попорченную честь народа, – правильно размышляла Екатерина, после слов Игоря, когда он решил стать ее проводником сквозь народные массы России.

– Во-первых, Ваше Величество, вы должны не отступать от мира с Пруссией и отозвать войска от завоеванных ими областей, а также прекратить приготовления к войне с Данией, – советовал ей осторожно Игорь. Он просто облачал в слова, еще слабые и неуверенные планы и рождающиеся в ее голове мысли, и ей нужен был такой человек, который бы смог все это высказать, чтобы она могла в дальнейшем действовать строго запланированными идеями, которые поддержаны ее окружением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.